

The background of the entire page is a dense, close-up photograph of autumn leaves. The leaves are in various stages of decay, showing a range of colors from light tan and beige to deep browns and dark, almost blackish tones. The veins of the leaves are clearly visible, creating a complex, organic pattern.

Мария Доронина

Осколки камня

16+

Мария Доронина

Осколки камня

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Доронина М. В.

Осколки камня / М. В. Доронина — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Колоссальный пожар начинается с одной искры, а находка в школьном саду запустила цепь событий, которые необратимо изменили не только нашу жизнь, но и судьбу целого мира. Мы принесли ему процветание и разбудили эхо древнего проклятия. Могущество стало испытанием, показавшим истинную сущность каждого из нас. И каждому пришлось сделать выбор.

Я не знаю, как начать эту историю. В мои планы не входит привлечь внимание или развлечь читателей. Я хочу рассказать о том, что случилось на самом деле со мной и моими друзьями... Но обо всем по порядку. Иначе, я запутаюсь.

Ну, пусть так...

1

Смотрю на белый лист и вспоминаю тот день. День, который все изменил, хотя поняли мы это значительно позже.

Наш класс был дружным. И сейчас я понимаю, что это была исключительно заслуга «классной мамы» – Ольги Александровны. Как-то умела она организовать жизнь нашего маленького мирка так, что никто не оставался в стороне, и всякому находилось дело по вкусу. Это не значит, конечно, что каждый дружил со всеми, но все-таки мы были одной компанией, вплоть до конца школы. К выпускному готовились задолго и тщательно. Не только нам самим, но и родителям хотелось, чтобы этот праздник стал грандиозным и запомнился на всю жизнь. 30 апреля они собрались в школе, чтобы обсудить последние детали. А у нас был субботник. Весна в том году началась поздно, но наконец-то сошел весь снег, стояли сухие теплые дни, и нас выгнали на уборку.

Дело шло к концу, когда я, сгребая в костер сухие листья, почувствовала, что грабли скрежетнули по чему-то твердому. Наверное, камень или железяка, но, словно кто дернул меня посмотреть. Под побуревшими мертвыми листьями на земле лежал расколотый кристалл величиной с детский кулак. Вина, конечно, не моя – надо было очень постараться, чтобы большая часть камня разлетелась на осколки. Я подняла оставшийся целым кусок. Странный цвет: ярко-алый, как кровь, он становился то прозрачным бледно-розовым, то наливался черным – как повернешь.

– Дим, – позвала я. – Дима, посмотри!

Он подошел и, приобняв аккуратно, чтобы не испачкать грязной перчаткой, взглянул на кристалл.

– Что это?

– Не знаю. Вот, здесь нашла. Смотри, какой большой был и раскололся...

– Что там? Что такое? – как всегда сунул любопытный нос Артем. – Ого. Братцы, Вика сокровище нашла!

Наши, побросав работу, быстро собрались вокруг. Увидев, вместо обещанного сокровища непонятные осколки, многие засмеялись. Инга пренебрежительно фыркнула и отошла. Даша наклонилась над кристаллом, но смотрела с опаской, как на необычное, но, возможно, ядовитое насекомое. А Артем все не мог успокоиться:

– Чего вы ржете? Может, это только начало, и там клад кто-нибудь зарыл сто лет назад. Давайте копать!

И он схватил лопату.

– Подожди! – я вытащила из кармана платок и быстро собрала с земли мелкие осколки; самый крупный кусочек – плоский, размером с брошку – сунула в карман.

Поначалу все внимательно смотрели, как Артем копает, но, когда стало ясно, что сокровищем и не пахнет, над бедолагой-кладоискателем посмеялись и заставили засыпать яму обратно, что он и сделал, ворча себе под нос про нелегкую судьбу неординарных личностей, не понятых современниками.

– А может, он все-таки драгоценный? – предположила Кристина, разглядывая осколки. – Вон как переливаются!

– Так давайте у Димкиного отца спросим, – пожал плечами Миша. – Все равно уже уборку закончили. Пошли в класс.

Олег Иванович, Димин папа, – ювелир. Вдвоем они жили в большом красивом доме на окраине города. Там же, на первом этаже, располагалась мастерская. Мама Димы много лет назад уехала работать за границу, да так там и осталась. На развод не подавала, иногда звонила, регулярно присылала подарки, но Димка не мог ее простить и не любил говорить о матери.

Собрание тоже закончилось, и, когда мы вошли в класс, родители уже собирались расходиться.

– Ольга Александровна, мы клад нашли! Только, тихо! Никто об этом не должен знать, – вылетел вперед Артем.

– Так ты уже оповестил всю школу, – рассмеялась классная. – Опять что-то натворили?

– Вика, что это? – удивилась мама.

– Сама не знаю. Мы хотели у вас спросить, Олег Иванович.

И я положила платок с осколками перед Полоцким. Он вытащил из кармана маленькую лупу, с которой, по-видимому, никогда не расставался, и принялся внимательно разглядывать мою находку. Судя по выражению лица, камень его очень заинтересовал. Он словно бы забыл о нас. Наконец, отложил лупу и, внимательно посмотрел на меня:

– Я бы сказал, что, это турмалин, а точнее – рубеллит. Хотя должен признаться, что никогда еще не видел такой необычной расцветки. Только порадовать вас мне нечем. Это полудрагоценный камень. В ювелирном деле используется, но все-таки не рубин, – Олег Иванович улыбнулся.

– Эх, такая надежда пропала, – огорченно махнул рукой Артем.

– Где вы его нашли? – спросила Ольга Александровна.

Я рассказала, в том числе и о безуспешных попытках отыскать на этом месте еще что-нибудь интересное.

– Как этот кристалл оказался на школьной территории? – спросил папа и повернулся к Полоцкому. – Вряд ли месторождение.

– Конечно, нет. Но мало ли... Возможно, камень пролежал на этом месте долгие годы, пока водой не размыло почву, и он не оказался снаружи... Кстати у меня идея! Через два месяца ребята разлетятся кто куда. Хорошо бы иметь что-то на память о школе и старых друзьях.

– Что вы имеете в виду?

– Хочу сделать подарок ребятам. От меня, от всех родителей. Каждый получит кольцо с осколком этого турмалина. Уверяю, вам понравится, – добавил Полоцкий, заметив, какие рожи скорчили мальчишки.

Но остальные были в восторге от этой идеи. Родители заговорили о деньгах, но Олег Иванович решительно остановил их: об этом не может быть и речи, он будет счастлив, если нам понравится – вот лучшая награда. Больше никто не возражал. Полоцкий, пожалуй, самый состоятельный человек в городе, такие расходы для него – пустяк.

Сначала предполагалось, что подарки будут готовы к последнему звонку. Но работа затянулась. Ребята уже и забыли о них. Забыла бы и я: Олег Иванович только раз обмолвился, что увидел во сне – какими должны быть кольца. Но больше не заговаривал на эту тему. Правда, Дима сказал, что отец расспрашивал у него об одноклассниках: у кого какой характер, чем интересуются. Самому Полоцкому камень так понравился, что он решил сделать перстень с турмалином и себе. Мне же на память остался самый крупный осколок. Он лежал на письменном столе, рядом с ракушками и эвкалиптовой шишкой, привезенными с юга.

Время до выпускного пролетело незаметно, и на празднике, вместе с аттестатами, каждый из нас получил маленькую коробочку, где на алом бархате лежало серебряное кольцо. У всех разные – ни одного похожего. Например, у меня камень был желудем, а само кольцо –

изогнувшейся дубовой веткой, а у Димы в коробочке лежала кусающая себя за хвост змея. Всем подарки понравились: родители были в восторге, Олег Иванович выслушал множество комплиментов – но на празднике никто из ребят кольца надевать не стал. У кого-то цвет камня не гармонировал с нарядом, кто-то поспешил отдать коробочку вместе с грамотой и аттестатом родителям, чтобы не потерять в суматохе – нас уже торопили фотографироваться. Но я совершенно точно помню, как мы договаривались, что в воскресенье, на пикник, придем с ними. Это должен был стать наш второй, неофициальный праздник: уже без родителей и учителей, совсем не торжественный, и куда более веселый. Однако утром в воскресенье я проснулась с жуткой головной болью. Приступы мигрени бывают у меня не часто, и этот случился совсем не вовремя. Но тут уж ничего не поделаешь – пришлось остаться дома.

Дима не хотел идти один. Прибежал еще утром и сидел со мной, пытаюсь поднять настроение.

– Иди, – уговаривала я его. – Мигрень таблеткой не вылечишь, нужно лежать и терпеть. Желательно – в темноте и тишине. А ты что будешь здесь маяться? Там ребята ждут. Когда мы еще сможем вот так – всем классом – собраться?

В общем – уредила. Помню, уже выходя из комнаты, он остановился в дверях и оглянулся. Взгляд был тревожным, будто Димка предчувствовал недоброе.

Я промучилась с мигренью до вечера. Когда боль немного затихала, старалась даже не шевелиться, чтобы не спугнуть. А потом уснула. Словно упала в бездонную черную пропасть. И очнулась только на следующий день, к полудню. Чувствовала я себя прекрасно, только пошатывало от слабости. Выползла на кухню. Родители что-то тихо обсуждали, но, увидев меня, замолчали.

– Вы чего?

Мама опустила глаза.

– Вика... Дело в том, что... Ребята пропали.

Я точно помню, что в ту минуту еще не испугалась, потому что не успела осознать эти слова, но почему-то захотелось закрыть глаза и спрятаться под одеяло. Папа вскочил и, обняв за плечи, бережно усадил на стул, будто боялся, что я упаду.

– Вика, малышка, успокойся, пожалуйста. Присядь... Мы сейчас все расскажем. Только не паникуй сразу, еще ведь... Не известно...

Но весь их путаный рассказ можно было уместить в двух уже сказанных словах. Ребята пропали. К ночи, когда никто не вернулся домой, а телефоны не отвечали, родители занервничали. Они знали, где будет пикник, и конечно, первым делом рванули туда. Но никого не нашли. Правда, вещи, еда – все осталось на месте. Было такое ощущение, что ребята просто отошли куда-то. Естественно, тут же сообщили в полицию, стали обзванивать больницы, но без толку – как в воду канули. А утром выяснилось, что Олег Иванович тоже пропал. Телефон выключен, дом открыт, машина в гараже – никто его не видел.

Первые недели три после того дня я помню смутно. Как в тумане выделяется только разговор со следователем, который разбирался в этом происшествии. Он долго и подробно расспрашивал меня, видимо надеясь зацепиться хоть за какую-то ниточку. Но, судя по всему, разговор ему не помог. Да и что я могла сказать? Для меня, как и для всех, это страшное событие оставалось тайной. Предположения – одно другого бредовее – не могли рассеять туман. Единственная упорная мысль, катавшаяся в голове, словно мраморный шарик в чаше: почему я заболела именно в тот день, и как бы все пошло, если бы... Но толку от нее не было никакого.

Как ни странно, я не плакала. Просто не могла. Плачут от горя, тоски, ощущения потери. Я же чувствовала себя в полном вакууме. В пустоте. В нигде. Словно бы и меня не стало тоже. А еще, конечно, дело в том, что я так и не поверила в их смерть. Точнее – я знала, что все они живы, хоть и не могла ни объяснить, ни доказать этого.

Виной всему сны. Расплывчатые и неясные – они, тем не менее, перекидывали мост от меня к Диме. Я чувствовала его тоску, печаль. Я знала, что он думает обо мне. Там, во сне, я понимала – еще чуть-чуть и мне объяснят: где они и что произошло. Но по пробуждении все оборачивалось подлинным кошмаром, не дававшим нормально жить. Что такое сны? Разве когда-нибудь раньше они говорили мне правду? Разве пыталась я поверить самым, казалось бы, «реальным» снам и руководствоваться ими здесь – в обычном мире?

Но надежда – это невероятно сильное чувство. Она упорно не умирает, цепляясь за самую фантастическую соломинку. Я видела его. Видела Диму в какой-то странной одежде, среди чужих людей, на неведомых улицах. И я не давала надежде умереть. А она не давала мне жить.

Естественно, это состояние очень тревожило родителей. Они пытались всячески отгородить меня от ненужного внимания и напоминаний о том дне. А потом, решив, что необходимо сменить обстановку, отправили в Сочи. Один месяц со мной жила мама, затем ее сменил отец.

Нужно отдать им должное: мои мудрые родители не следили за мной и не контролировали каждый шаг. Хотя могли опасаться худшего.

Мне же, поначалу, было абсолютно все равно, где быть. В то «нигде», где существовала моя душа, реальность практически не пробивалась. Я могла часами сидеть в своем номере или лежать на пляже – ничего не менялось.

Подчиняясь настойчивым просьбам, я стала больше гулять, и это принесло облегчение. В определенной степени, конечно. Сама ходьба, движение упорядочивали мысли. Становилось спокойнее на душе.

Дни сменялись днями. Для меня, можно сказать, ничего не происходило. Только одно событие вмешалось в череду одинаковых суток. Нужно сказать, что с тех пор, как все пропали, я ни разу не надевала кольца с рубеллитом. В моем сознании оно было неразрывно связано с тем страшным днем. Но осколок камня, оставшийся на память, зачем-то взяла на юг. Странно, однако, на него не распространялось мое негативное отношение к кольцу. Мне даже нравилось его рассматривать, а то и класть ночью под подушку. Я убедилась, что это делает сны более четкими. Правда, когда долго смотрела на камень, начинала сильно кружиться голова, как будто меня засасывало туда. И все же чувствовала себя спокойно, только когда камень был под рукой. Решение нашлось неожиданно.

Гуляя по набережной, я обратила внимание на одну лавчонку. Некрасивая узколицая девушка с копной огненно-рыжих волос продавала там самодельные украшения из кожи. Она как раз сидела за работой. В голове будто щелкнуло. Договорились мы быстро. И уже на следующий день я получила свой камень. Теперь его было не узнать. Точнее – не увидеть. Спрятанный за искусным переплетением тонких полосок кожи, камень можно было носить на шее. На первый взгляд – обычное украшение.

Между тем, лето заканчивалось, и пора было уезжать. С сентября я студентка.

2

Честно говоря, очень не хотелось возвращаться. Вряд ли это было предчувствие. Но мне начинало казаться, что здесь, у моря, я могла бы все забыть. Почему не рассказала об этом родителям? Уверена, они согласились бы даже разлучиться со мной – лишь бы помочь. Изменило бы это что-нибудь? Какой смысл сейчас гадать. Я вернулась.

Правда, оттягивала возвращение до последнего, поэтому на торжество Первого сентября не попала. Приехала поздно ночью, очень устала в дороге и, конечно, проспала. Торопливо собравшись, выскочила с сумкой на улицу и только на автобусной остановке, отдышавшись, заметила, что впервые надела не только ремешок с камнем, но и кольцо. Однако я не помнила, как доставала его из шкатулки. Да и с чего вдруг?

В животе похолодело. Собралась было вернуться, но тут подошел мой номер и, махнув рукой на тревожные мысли, я села в автобус.

По дороге мы попали в пробку, так что к институту бежала уже дворами. Путь незнакомый, но заблудиться в двух кварталах трудно. Свернув в особенно узкий переулок, затертый между глухими стенами домов и забором, я поневоле остановилась, ослепленная яркими лучами утреннего солнца. Из подворотни вылетел порыв ветра, подтолкнул в спину, и пару шагов я сделала вслепую. А, открыв глаза, увидела, что, непонятно как, проскочила переулок, и стою теперь на оживленной улице. Мимо, позванивая, проехал чудной зеленый трамвай. Пустили такие, пока меня не было? Через дорогу – шикарный книжный магазин с большой сверкающей витриной. Это место было странно непохожим на наш город.

Я перешла дорогу и, уже не спеша, двинулась вперед, рассчитывая скоро увидеть улицу, сворачивающую налево – в том направлении, где должен быть институт. С возрастающим удивлением рассматривала дома и встречных людей, и минут через десять сомнений не осталось. Я не рядом с институтом... Я вообще непонятно где! За те два месяца, что меня не было дома, город, конечно, мог измениться, но не настолько.

Стараясь не поддаваться панике, чувствуя, как слабеют ноги, я старалась отвлечься, осматриваясь и внимательно слушая. А посмотреть и послушать было что! Вскоре я поняла, что язык, на котором говорят вокруг, мне незнаком. В школе я учила английский и французский, польский знала от бабушки, родившейся в Варшаве, и филологические загадки на подготовительных курсах всегда были моим коньком. Но этот красивый, мелодичный язык ничего не напоминал. Буквы на вывесках и указателях смахивали на смесь латиницы и скандинавских рун.

Увлеченная размышлениями, я не сразу заметила, что не только наблюдаю, но и сама являюсь объектом наблюдения. Некоторые прохожие даже оборачивались, чтобы рассмотреть меня. Действительно, джинсы и холщовая сумка выглядели странно среди нарядов «а-ля 30-е годы». Пару раз я ловила улыбки на лицах, но в основном смотрели недоуменно и осуждающе. Мне стало не по себе. Стоило, пожалуй, уйти с оживленной улицы, присесть в каком-нибудь тихом месте и обдумать сложившуюся ситуацию.

Прибавив шагу и стараясь не смотреть в глаза прохожим, я свернула за угол. Здесь между домами уходила вниз узкая лесенка. Быстро спустившись, я выбежала на большую залитую солнцем площадь. В центре возвышался фонтан, окруженный скамейками. Подойдя ближе, я увидела, что его украшает большая скульптура из белоснежного камня – ягненок, упирающийся передними копытцами в раскрытую книгу.

От журчащей воды веяло прохладой, я не утерпела и, взобравшись на каменное ограждение, подставила ладони под струю и умыла лицо. За спиной кто-то возмущенно ахнул. Но я не обратила внимания, разглядывая скульптуру. Мордочкой ягненок так походил на Темку Каровского, что я фыркнула и рассмеялась. Это было ошибкой. Прежде мирно отдыхавшие на скамейках люди были явно возмущены моим поведением. Оглянувшись на гневные крики, я увидела, что они обступают меня, словно собираясь схватить.

– Простите. Я не хотела никого обидеть...

Но попытка оправдаться произвела обратный эффект. Стоявшая рядом женщина, с ребенком на руках, испуганно отшатнулась. Привлеченный шумом, ко мне быстрыми шагами направлялся высокий мужчина в похожем на мундир наряде, и шестое чувство подсказало: это блюститель порядка. Мне совершенно не хотелось с ним разговаривать и, надеясь смешаться с толпой, я бросилась прочь. Недовольно ворча, люди отступали, давая мне дорогу. Оглянулась – мужчина в форме не отставал. В панике я рванула вперед, обогнула стайку подростков, и внезапно оказалась на самом верху уходящей вниз широкой лестницы. Затормозить уже не успела, но, вместо того, чтобы кубарем скатиться по ступенькам, внезапно полетела. Да, полетела! Не вниз, а вверх!

Это было... Не могу. Нет слов, чтобы рассказать. Пожалуй, только птенец, первый раз вылетевший из гнезда, мог бы меня понять.

Хотя крыльев за спиной не выросло, я все же летела. Точнее – скользила, как бумажный змей или рыба в воде. На какое-то время все исчезло и забылось. Только я и небо! Бездонное, прекрасное! Я чувствовала себя невероятно свободной, легкой. Скользила, наслаждаясь этим движением и постепенно понимая, как нужно управлять телом. Прижав руки и закрутившись вокруг своей оси, я набрала головокружительную высоту, потом расслабилась и полетела вниз.

В этот момент шнурок скользнул по шее и чуть не слетел. Опомившись, я спрятала камень под куртку и лишь тогда посмотрела вниз.

Подо мной раскинулся город.

Луилир... Несмотря ни на что, я всегда буду любить его. Навсегда этот город – с его белоснежными зданиями, садами, многочисленными лестницами, сверкающими фонтанами и тенистыми парками – останется для меня самым прекрасным. Сколько часов я провела, бродя по этим улицам, за столиками уютных ресторанчиков, в таинственном сумраке лавчонок древностей.

Но я забегая вперед. В тот момент я, конечно, не знала ни названия города, ни того, что меня ожидает.

Вслед за восторгом от внезапно открывшейся способности (вероятно уникальной и здесь, поскольку никого больше в небе я не видела) вернулся страх. Что теперь делать? В самом деле, я ведь не птица и не смогу бесконечно висеть наверху. Следовало что-то придумать.

Я решила приземлиться в каком-нибудь малолюдном месте, что оказалось не так-то просто. На улицах толпились люди, показывали вверх, переговаривались. Целые толпы бежали в том направлении, куда я летела. Следовало сменить тактику.

Резко свернув влево, я начала снижаться и, на большой скорости скользнув за высоким зданием, похожим на дворец, опустилась к самым кронам деревьев, раскинувшегося рядом парка. Скрываясь за ветками, описала большую дугу по периметру рощицы и приземлилась в безлюдной аллее. Перевела дух и пошла в противоположном направлении. Аллея привела к большому пруду. На берегу, за зарослями каких-то кустов спряталась скамейка. Я села, пытаюсь собрать мельтешившие мысли. Мышцы ныли от непривычной нагрузки.

Сумку я выронила на лестнице, но потеря эта небольшая. Кроме тетрадей и мелочей там ничего не было. Да еще кошелек. Но рубли здесь точно не котируются.

Итак, я непонятно где и неизвестно как вернуться. Хотя, может быть, это произойдет так же внезапно и в самом скором времени? Или я вообще сплю? Это была самая разумная гипотеза, но какая-то дохленькая. Слишком реальным было все вокруг. А может, я выскочила из переулка под машину и сейчас лежу в коме или уже... И вот так начинается новая жизнь? А разве так должно быть? Хотя кто знает, как должно...

Вокруг было тихо, только ветер шелестел в кронах деревьев. Вот бы зажмуриться, а, открыв глаза, обнаружить себя дома. И в то же время во мне крепло понимание того, что я там, где должна быть. Как будто здесь – и есть «дом».

– Вика!

Я обернулась. Около куста, переводя дыхание от долгого бега, стояла Даша. Даша Солодова. Моя Даша! Видимо, я так задумалась, что не слышала ее шагов.

– Даша... – вышло еле слышно.

Меня заколотила крупная дрожь, как в лихорадке. Дашка быстро опустилась на скамейку рядом и обхватила руками за плечи.

– Тихо, Вика! Дыши глубже, это сейчас пройдет.

Я хватала ртом воздух, как выброшенная на берег рыбка. Вдруг так же внезапно все прошло, и хлынули слезы. Даша вытирала мне глаза платком, что-то ласково приговаривая, но я уже вцепилась в нее как клещ.

– Даша! Господи, это правда ты! Где, где ты была? Где все? Что случилось?
Она тревожно оглядывалась, не слушая меня.

– Да объясни же!..

– Подожди, Вика. Постой. Я все расскажу, только сначала нам нужно уйти отсюда.

Пошли!

Она вскочила и потянула меня за собой. Быстрым шагом мы обогнули пруд и свернули на узкую, посыпанную песком дорожку.

Наконец, добрались до маленького домика без окон. Даша буквально втолкнула меня внутрь. Это оказался очень чистый туалет на три кабинки. Никого не было.

– Послушай меня, пожалуйста. Запрись и не выходи, пока я не вернусь.

– Что?..

– Я быстро. Нужно найти тебе одежду, а то привлекаешь слишком много внимания, – и убежала.

Я закрылась в кабинке, опустила стульчак и села. Сердце скакало. Потекли минуты. Казалось, прошел целый час, прежде чем раздались шаги. Я вскочила, но вошли в соседнюю кабинку. Зашумела вода, шаги, и опять тишина. Я автоматически посмотрела на часы. Они стояли. Причем, похоже, давно. От того, что приходилось сидеть в таком крохотном пространстве, тревога нарастала. В итоге, когда хлопнула дверь, я чуть не вскрикнула. В дверь постучали.

– Вика, открой, это я.

Даша сунула мне сверток одежды.

– Одевайся, быстро!

Прodelать это в узкой кабинке было непросто, тем более что юбки я вообще носила редко. Даша подколола мне волосы, упаковала одежду и сумку в бумажный пакет, и мы вышли наружу. Как раз вовремя – в дверях столкнулись с женщиной, ведущей за руку девочку лет пяти.

– Значит, так, – тихо начала Даша, пока мы шли по парку, – сейчас поедem к нашим. Это за городом, дорога займет больше часа. Извини, но все разговоры придется отложить до дома. Другой язык нас выдаст. Тебя слишком многие видели, и уже наверняка ищут.

– Кто?!

– Все потом. Пока самое главное: все наши живы и здоровы.

– Дима?

Даша замялась:

– Сегодня ты его вряд ли увидишь.

– Почему?

– Шш. Потом, все потом.

Навстречу все чаще попадались люди. Они оживленно разговаривали, поглядывая на небо. Мимо пробежало несколько мужчин в мундирах: меня, действительно, искали.

Через боковую калитку мы вышли из парка прямо к трамвайной остановке. Вскоре, позванивая, подкатил длинноусый вагончик. Народу было много, и мы едва нашли место. На меня никто не обращал внимания, значит, маскировка удалась. Даша расплатилась маленькими монетками, достав их из красивого мешочка. Хотелось рассмотреть поближе, но это было бы подозрительно. И я отвлеклась на вид из окна. Хоть мы и были притиснуты в уголок, я могла рассмотреть проплывавший мимо город.

Судя по длинным теням, опускался вечер. Кое-где в аккуратных домиках загорался свет. Почти все строения были невысокие – два-три этажа. Тут и там попадались лавочки и маленькие магазинчики. Как потом оказалось, мы ехали по окраине. К тому же я заметила, что дорога все время плавно идет под уклон: центр города стоял на возвышенности.

Между тем, трамвай в очередной раз остановился, и Даша потянула меня к выходу. Вагон привез нас к самому вокзалу. В предназначении величественного строения из отливавшего бронзой камня не стоило сомневаться: рядом под навесами тянулись платформы. Кассы также располагались снаружи. Отстояв небольшую очередь, мы купили билеты и вышли на платформу, заполненную народом. Похоже, многие приезжали на работу из пригорода.

Вокруг было неожиданно чисто: ни копоти, ни тяжелого запаха. Не успела я как следует осмотреться, подошел монорельсовый поезд. Весь состав – десяток вагонов. Внутри мягкие сиденья, симпатичные багажные сетки. Я опять пристроилась у окна. Поезд мягко тронулся. Закатное солнце сияло впереди, за окном потянулись какие-то служебные здания, приземистые домики-баракы, и, наконец, город закончился.

Город, в который я неведомо как попала, но – теперь уже точно понимала – не случайно. Каким ветром сюда занесло сначала ребят, а потом и меня? И почему Даша так нервничает? Я чувствовала это напряжение, хоть она и не подавала вида. Поймав мой взгляд, Даша ободряюще улыбнулась, но глаза оставались серьезными.

Я вновь повернулась к окну. Поезд мчался по мосту, далеко внизу текла река. Вообще весь ландшафт представлял собой перепад высот – от оврагов до невысоких гор, у подножия которых лепились селения. В течение пути было немало остановок, но крупных городов я больше не видела. Деревушки, хутора, с возделанными полями вокруг. Лесов я тоже не заметила, хотя потом узнала, что их в стране хватает.

За моей спиной деловито бубнил мужчина, его слова только изредка прерывались слабым женским голосом. А напротив сидели две «кумушки» – средних лет женщины, болтавшие без умолку. Вслушиваясь в переливы незнакомой речи, я вскоре с удивлением начала понимать общий смысл разговора. Ухо ловило отдельные повторяющиеся слова, даже имена. Я знала о своей способности к языкам, но чтобы настолько! Неизвестно, как много еще мне удалось бы услышать, но поезд подъехал к остановке, кумушки вышли, а мужчина замолчал. Вагон наполовину опустел.

Когда накрывает лавина событий, эмоции не успевают за ней. Усталость перекрывала другие чувства, и меня начало клонить в сон. Решив не сопротивляться, я опустила голову на плечо Даши. Даша... Это была еще одна странность. Вроде бы, она – все та же моя подруга, с которой всего три месяца назад мы ели мороженое после экзамена. И в то же время, иногда мне казалось, что рядом – взрослая женщина, ровесница мамы.

Я задремала, а проснулась от того, что Даша теребила за руку. «Пойдем!», – шепотом на ухо.

Мы вышли на небольшую открытую платформу, поезд тронулся дальше. Я огляделась. Вместе с нами сошли несколько человек, они уже спускались по ступенькам. От платформы через рожицу тонких деревьев с серебристо-зелеными листьями вилась тропинка. Мы приотстали, чтобы остаться вдвоем.

– Ну, как ты? – Даша улыбнулась.

Я дернула плечами и покачала головой:

– Как во сне.

– Да нет, это самая «разреальная» реальность. Привыкай.

– «Разреальная»! – я засмеялась. – Любишь ты изобретать новые слова. Но... где мы?

– В другом мире. Или даже вселенной. Виир – так зовут его местные жители. Нас перенес геласер. Этот камень, – кивнула она на мое кольцо.

– Как портал?

– Вроде того.

– А обратно? Он может нас вернуть?

Даша замялась.

– Похоже, нет.

По спине пробежал холодок.

– Но должен быть другой способ. Чисто логически – почему только в один конец? Нужно найти!

– Может, ты как раз затем и появилась, – улыбнулась Даша; только невесело.

Между тем, мы уже шли по улице небольшой деревеньки, так что пришлось опять прервать разговор. Домики здесь были по большей части старые, сложенные из розово-серых камней. Никаких заборов, зато аккуратные живые изгороди: видимо, хозяева уделяли им много внимания. Мелкие, глянцевитые, темно-зеленые листья красиво контрастировали с цветом стен. Из одной калитки вышла женщина с корзинкой чудной формы. Увидев нас, приветливо улыбнулась и что-то сказала. Чужие слова неожиданно легко сложились в моей голове в целое: «Добрый вечер! Как хорошо, что разогнало дождь». Даша вежливо ответила, но, когда мы разминулись, нахмурилась.

Наконец мы остановились перед двухэтажным домом, и Даша, открыв дверь, быстренько подтолкнула меня внутрь. Щелкнул замок, а под потолком зажглась гирлянда крохотных лампочек, осветив прихожую. Впереди – лестница на второй этаж, слева – проход в комнату.

– Подожди, – Даша прижала палец к губам и поманила за собой.

Скинув туфли, она тихо поднялась по лестнице. Я следом. Здесь, на крохотной площадке, были открыты две двери. Заглянув в одну комнату, Даша улыбнулась и махнула мне рукой. На узкой кровати, свернувшись клубочком, спал Темка. Горло его было завязано теплым шарфом. Мы переглянулись, и Даша тихонько прикрыла дверь.

Спустившись, свернули под лестницу и попали в уютную кухню. Даша налила воды в странное приспособление, вроде маленького самовара, и включила под ним горелку. Плиты я не заметила, зато в углу стояла достаточно большая, очевидно, электрическая печка. Даша достала из шкафчика банку, отсыпала в верхнее отделение самоварчика пару ложек шуршащей травы и плотно закрыла крышку.

– Да ты садись, не стесняйся, – засмеялась она, обернувшись. – Извини, что не разбудила Темку, он будет очень рад тебя видеть, но сегодня всю ночь не спал из-за температуры, так что сон сейчас важнее.

– Конечно, все нормально. А где остальные?

– Скоро придут. Я схожу, предупрежу ребят, а ты пока отдохни. Когда зуум, – она кивнула на самоварчик, – засвистит, выключи огонь и поверни этот кран. Сиорд очень вкусный и бодрящий напиток, вроде нашего чая. Ну, все, не скучай.

Она чмокнула меня в щеку и ушла, а я решила осмотреться. Обстановка скромная, комнаты маленькие. Рядом с прихожей – самая большая из них, очевидно, гостиная. Из нее – проход в крохотную спальню, еще меньше Темкиной. Экскурсию прервал тонкий свисток зуума, я бросилась быстрее гасить огонь, чтобы не разбудить больного. Налив себе стеклянную пузатую чашку, села за стол. Отхлебнула: напиток темно-медного цвета и вправду, был очень вкусным.

Итак, за два месяца ребята тут неплохо устроились. Можно сказать, обжились. Судя по всему, местное население приняло их неплохо. Непонятно тогда, почему Даша меня так старательно прятала. С другой стороны, наши, наверное, не шокировали окружающих полетами. Как же это у меня получилось? Может, временная способность? Вроде последствия перемещения сюда.

Я поставила чашку с недопитым сиордом. Нужно проверить.

Как это вышло в первый раз? Я бежала, потом вылетела с той лестницы. Может, нужно откуда-нибудь прыгнуть? Но экспериментировать с узкой лестницей, ведущей на второй этаж, не хотелось. Начнем с простого. Сделав глубокий вдох, я сосредоточилась, оттолкнулась от пола и легко, как во сне, повисла над полом. Получилось! Только вот кухня – это вам не открытое небо. Сделав неосторожное движение, я вдруг рванула вверх и врезалась в притолоку двери.

Голова загудела, как колокол. Обхватив ее двумя руками, я сидела на полу, переживая, пока стихнет звон в ушах. И тут на лестнице послышались шаги.

– Кэмилис! Что тут у вас случилось?

Еще секунда, и передо мной возник улыбающийся Темка. Впрочем, как только он меня увидел, лицо вытянулось. Не то, чтобы я ожидала слез радости. Артем – не Дима, и, в конце концов, ни для кого не секрет, что он неровно дышит к Даше (впрочем, без надежды – с Максимом ему не тягаться). Но такая реакция меня огорошила. На лице Темки читалось не удивление, а скорее – ужас. Я даже об ушибе забыла.

– Тема... Привет, я...

Договорить не получилось. Он кинулся ко мне и так стиснул в объятиях, словно мы лет двадцать не виделись.

– Вика! Как ты здесь оказалась?!

– На полу или вообще? Собственно, одним и тем же способом – прилетела.

Слова о полете совершенно не удивили и не заинтересовали его, я даже обиделась слегка.

– Я имею в виду: как ты узнала, где мы живем?

– Даша меня привезла.

– И где она?

– Сказала, что пойдет предупредить остальных. Вы ведь все в этой деревне живете?

– Наши все. Почему меня не разбудили сразу?

– Ты же всю ночь не спал. Горло болит?

Темка отмахнулся:

– Пустяки! Завтра уже буду как огурчик. Но где ты встретила с Дашей?

– В парке.

Я описала город, и Темка кивнул:

– Тебя перенесло в Луилир, как и нас в свое время. Вопрос вот в чем... – тут он закашлялся.

– Пойдем, – кивнула я в сторону кухни, – там, наверное, еще не остыл этот самый сиорд. Артем налил себе большую кружку, добавил ложку зеленоватого желе из мисочки на столе, размешал и сделал два внушительных глотка. Удовлетворенно улыбнулся:

– Вот что нужно при простуде, а вовсе не лекарство. Еще лучше, конечно, рюмочку дуртана, – он подмигнул, – но Кристина со мной не согласна.

– С каких пор ты ее слушаешься? – засмеялась я.

– С тех самых, как на собственной шкуре убедился, что она, обычно, бывает права. К тому же, это Кристина врач, а не я.

– Кристина – врач? То есть, она хочет стать врачом.

– Да уж не только хочет. Но это все не важно. Объясни, почему ты появилась именно сейчас, где была все это время?

– Об этом вас нужно спрашивать! Я-то была дома.

– Дома... Но ведь и ты ничуть не изменилась. Как ты это объясняла?

– Что ты имеешь в виду?

Договорить не удалось. Входная дверь распахнулась, впуская Кристину и Женю Богданова. Он продолжал что-то говорить, причем на местном языке.

– Вот это да! – воскликнула я. – Как вы быстро новый язык выучили.

– Скажем так, у нас для этого было достаточно времени, – ответил за них Артем.

Женька остолбенел, глядя на меня, а Кристина ласково улыбнулась и, подойдя, расцеловала в обе щеки.

– Радость моя, я чувствовала, что это ты!

– Не может быть, – прошептал Женя, как будто надеялся, что я сейчас растаю.

– Чтобы не пересказывать одно и то же, сообщаю, – снова смешался Артем. – Вика приземлилась сегодня прямо в столице, нашла и привезла ее Даша. Она к Храповым побежала предупредить.

– Храповым? – удивилась я.

– Полина вышла замуж за Сашу, – коротко пояснила Кристина.

– Да когда вы успели?!

Тут дверь опять хлопнула.

– Почти все в сборе? – обрадовалась Даша. – Храповых не дождалась, оставила записку. Думаю, они скоро присоединятся.

– Постойте, Храповы – это, конечно, здорово. Но где остальные? Где Дима?

Ребята переглянулись.

– Давайте присядем и поговорим, – предложила Кристина.

Переместились на кухню. Даша вновь наполнила зуум и поставила на огонь. Кристина достала чашки, маленькие тарелочки, блюдо с плоскими булочками.

– Смотрите! – Артем придвинул ближе мисочку с зеленым желе. – Это меил – что-то среднее между сахаром и джемом. Можно добавить в сиорд, а можно намазать на барик. Очень вкусно, попробуй.

Он густо намазал одну булочку и протянул мне. Только тогда желудок вспомнил, что ничего не получал с самого утра. И поскольку барики с меилом оказались просто объеденье, пока Даша разлила всем сиорд, я уже слопала несколько штук. На этот раз напиток в чашках был светлее и пах иначе.

– Сиорд делают из местного растения, – пояснила Даша, заметив мой интерес. – Есть много сортов, поэтому и вкус разный.

– После такого количества бариков вкус напитка не так важен, – рассмеялся Женя.

– Ой, ты же голодная, – переполошилась Кристина. – Сейчас что-нибудь соображу.

– Нет, стой! Я уже поела, мне гораздо важнее услышать, наконец, объяснения.

– Подожди, – Даша тревожно переглянулась с остальными. – Сначала скажи, как там все наши? Как родители?

– Тяжело, конечно. Сначала вас еще надеялись найти, а потом...

– Все живы? – голос Даши дрогнул.

– Да. У мишиной мамы был приступ сразу после случившегося, а так все в норме. Правда, я уезжала и вернулась недавно. Но мне бы сказали, если бы что-то подобное случилось.

– В смысле «уезжала и вернулась»? – нахмурилась Кристина. – Хочешь сказать... Вика, сколько прошло времени, с тех пор, как мы пропали?

– А то сами не знаете.

– Ответь.

– Два месяца, – я пожала плечами. – Сегодня третье сентября. А что, у вас здесь в сутках меньше часов?

Ребята опять переглянулись, а Даша испуганно прижала ладонь ко рту.

– Даже больше на один, – нахмурившись, ответил Женя. – Но дело не в этом. Видишь ли... Мы здесь уже пятьдесят лет.

3

Я онемела. Ребята тоже молчали, переваривая мое сообщение.

– Значит, нашу удивительную молодость сохраняют не кольца, – задумчиво сказала Кристина. – Вот почему мы и сейчас не меняемся.

Я невольно посмотрела на свое кольцо, а потом перевела взгляд на ее руку.

– Да, – кивнула Кристина. – У нас их нет. Уже пятнадцать лет как нет.

В дверь постучали, Даша пошла открывать.

– Что за срочность? – я узнала спокойный голос Сашки Храпова.

В дверном проеме мелькнуло огненное облако кудряшек, и с визгом: «Вика!», – на меня налетела Полина.

– Да, это уж новость, так новость, – улыбнулся Саша.

Из комнаты принесли мягкое кресло, куда уселась парочка, Даша достала новые чашки, а Артем пристроился рядом с новоприбывшими, чтобы ввести в курс дела.

– Что ж, – Кристина мягко улыбнулась мне и вздохнула, – пора все рассказать...

Я смотрела на нее и никак не могла поверить, что она старше меня на пятьдесят лет. Или нет? Как считать?

Рассказ вышел долгим, и за окном успело потемнеть. Я не обратила внимания, кто зажег свет, просто в какой-то момент заметила, что комнату освещают маленькие светильники.

В тот день, после выпускного, сначала все шло просто замечательно. Настроение отличное, впереди радужные перспективы. Шашлыки удались, прихваченное пиво было что надо. Начиная вечереть, как вдруг поднялся ветер. Сначала зашумел в вершинах деревьев, примял огонь в костре и вдруг смерчем закружился вокруг ребят, поднимая мелкий сор. На секунду все как будто ослепли, а потом увидели себя уже на открытой площадке высокой башни.

Все произошло так стремительно, что Дима, оказавшийся на самом краю, не удержался и упал вниз. Тут же за ним бросился кто-то еще. Как оказалось – отец. Олег Иванович был дома, но в то же время, как на поляне пикника поднялся ветер, почувствовал себя дурно, помутнело в глазах, и он также попал на башню.

– А его-то почему перенесло? – прервала я.

– Он тоже надел перстень в тот день, – пояснила Даша.

Не успели ребята испугаться, как увидели, что отец и сын больше не падают, а парят в воздухе. После осмотра стало понятно, что башня является частью древних развалин, и лестница, ведущая когда-то на площадку, давно рассыпалась.

Дима с отцом уже стояли внизу, и вот, сначала самые смелые, а затем и остальные – последовали их примеру. К тому времени, как все спустились, к развалинам стали собираться жители близлежащей деревушки, привлеченные необычным зрелищем. Они явно были шокированы и боялись приблизиться. Как выяснилось значительно позже, в старинных легендах Мунунда – страны, куда ребята попали – говорилось о Детях Неба, которые когда-то жили в мире Виира, а затем неожиданно исчезли. Легенды гласили, что однажды Дети Неба вернуться и будут править, принеся в страну мир и благоденствие.

Но в тот час наши, конечно же, ничего не знали. Хотя объясниться с местными жителями не получилось, те проявили отменное гостеприимство, устроив пришельцев на временное жительство в своих домах. А затем дали знать в столицу. Представители двора Ду Хала (то есть – императора) поспешили в заштатную деревеньку, мгновенно ставшую самым важным местом страны. Переговоров, по причине непонимания сторонами друг друга, не получилось, но таинственные пришельцы были налицо, и с этим приходилось считаться. Их со всевозможными почестями переправили в столицу. Здесь, прежде чем представить императору, гостей начали учить языку и тонкостям дворцового этикета. Причем, обучение происходило фантастически быстро. Уже через две недели ребята прекрасно могли объясняться на местном языке. Тогда их препроводили к Ду Халу.

Император оказался сухощавым маленьким стариком, успевшим пережить своих сыночек. К пришельцам он отнесся тепло, хоть и не верил древним пророчествам. Ду Хал оставил наших при дворе, позволив осваиваться в новом мире. А вот представители императорской фамилии, ведущие бесконечные интриги, приняли Детей Неба в штыки, увидев в них новых претендентов на престол.

Ребята не отказывались от громкого имени. Олег Иванович – в силу возраста и опыта невольно ставший лидером – решил, что, поскольку они все равно не могут иначе объяснить свое появление, стоит сыграть на уважении к преданиям. И первым догадался, что необыкновенным путешествием они обязаны кольцам. А точнее – камню. Оказывается, еще во время работы над ними, ему не раз виделись во сне неизвестные города и пейзажи, в которых теперь Полоцкий узнавал Мунунд.

Между тем, приходилось учиться жить в новом мире. Обратного перемещения не происходило, а как его устроить самим, никто не знал. Опять-таки по решению Олега Ивановича, наши принялись старательно совершенствовать знание местного языка, узнавать историю страны, а также пытаться найти себе какое-то занятие на тот случай, если удача отвернется от них, и придется самим обеспечивать существование. К тому же он посоветовал ребятам время от времени, хотя и не часто, появляться в городе, радовать жителей своими полетами и быть учтивыми. Стоило соблюдать большую осторожность. Популярность Детей Неба росла день ото дня. В столицу толпами стекались паломники, желающие самолично лицезреть Чудо. Члены императорского дома бесились, но не рисковали выступить против любимцев Ду Хала, который, похоже, доживал последние дни.

А ребята продолжали изумлять окружающих. И не только в полетах дело. Их способности к обучению в мире Виира, казалось, возрастали в геометрической прогрессии. Каждый, правда, больше старался в той области, что была ему ближе и интереснее. И уже через полгода ребята стояли на одном уровне с учеными страны, а затем двинулись дальше. Нужно сказать, что в то время Мунунд и соседние страны находились на уровне развития науки, сопоставимом с XIX веком в земной Европе. Конечно, попавшим из XXI века и так было, на что ориентироваться. Но одно дело каждый день пользоваться холодильником, совсем другое – понимать, как он работает.

Популярность пришельцев взлетела до небес, когда в стране зажглись электрические огни, а потом появились на улицах первые самоходные машины. Но куда более важной для самих Детей Неба оказалась возможность продлить жизнь Ду Хала с помощью изобретенного лекарства.

Многочисленной фамилии оставалось только зубами скрипеть от злости. И вот тут-то Олег Иванович начал тайную и весьма хитроумную интригу против них. Играя то на жадности, то на тщеславии или глупости членов семейства, он окончательно подорвал доверие к императорскому дому, и так непопулярному в народе. Одновременно сам Олег Иванович стал правой рукой Ду Хала.

А заслуги Детей Неба уже неисчислимы: многочисленные механизмы значительно облегчают производство и уменьшают себестоимость продукции, открытия в медицине снижают смертность, новые методы мелиорации и животноводства изгоняют призрак голода даже в неурожайные годы.

В то же время, казалось бы, без всякой связи с пришельцами, среди знати становится невероятно популярен некий жемчужно-серый порошок, бодрящий и вселяющий в сердце беспричинную радость. Вначале он был известен только венценосному семейству, но затем, как зараза, стал быстро распространяться в высшем свете. Порошок был очень дорог, и позволить его себе могли лишь самые богатые люди. Но они не скупилась: втянувшиеся уже не могли существовать без веселящего яда. Был у порошка и еще один побочный эффект, поначалу совершенно незаметный. Употреблявший его человек, очень быстро дряхлел, старея на глазах.

И когда через десять лет Ду Хал умер – даже чудодейственное лекарство не делает вечным – уже никто не мог оспорить власть у Детей Неба, несущих Мунунду освобождение от гнета монархии. Они составили Совет – во главе с Полоцким, – управлявший всеми делами государства.

Еще до смерти императора, получив доступ к секретным архивам, Олег Иванович выяснил, что догадки насчет камня верны. Мало того, он родом из этого мира и называется здесь геласер. И Дети Неба не выдумка. В хрониках говорилось о том, что прежде Вииром управляли могущественные Ревеллиры – правители, умевшие «летать меж звезд». Никто, кроме них, не имел права прикасаться к геласеру.

Каким образом камень попал на Землю – неизвестно, но, видимо, он ждал «хозяина». И когда ребята собрались на пикнике, осколки образовали портал, затянувший следом Полоцкого.

– Мы думали, конечно, и о тебе, – грустно улыбнулась Даша. – Но решили, что ты не надевала с тех пор кольца или что для одной портал не откроется.

– Я надела его только сегодня. Что ж, пока все понятно. Но почему вы не вместе? И куда делись кольца?

– Рассказ подходит к печальному моменту, – горько усмехнулся Женя.

Он встал и вынул из шкафчика темную бутылку. Артем поставил на стол семь высоких тоненьких рюмочек. Я догадалась, что это тот самый дуртан, который Кристина запрещала Теме. Но сейчас ее мысли, похоже, были заняты другим, и вместе со всеми она подняла рюмку, когда Сергей провозгласил тост: «За Вику!»

Дуртан огнем пробежал по горлу, в груди расслабилось, стало легче. Кристина продолжила рассказ.

В первые годы правления Совета все шло по-прежнему. Страна быстро развивалась, появились электростанции, железные дороги, развернулось масштабное строительство. Как грибы после дождя, размножились школы и университеты. Образование стало обязательным и бесплатным. В любой, более-менее крупной деревне появилась библиотека. Жизнь менялась на глазах. И менялась, казалось бы, к лучшему.

– «Жить стало лучше, жить стало веселее», – саркастически прокомментировал Саша.

Уже подрастало поколение, для которых Дети Неба были всегда. А они сами несколько не менялись, словно собирались жить вечно. Наши решили, что все дело в кольцах, и Олег Иванович шутил, что ему не повезло перенестись в Виир молодым. Но скоро стало понятно, что шутки закончились.

Если высоко подняться в небо, люди кажутся оттуда муравьями. Чем дальше продвигались Дети Неба, каждый в своей области (а знания их уже были огромны), чем больше погружались в свое дело, тем незначительнее казались им жители Виира. Их интересы, их жизни не стоили ничего по сравнению с открывающимся простором.

Все эти изменения происходили постепенно, поэтому вроде бы незаметно. Но власть Совета, а главное – его Главы, все возрастала. Олега Ивановича теперь называли Отцом все Дети Неба. Для остальных же он был Бренин – так в древности именовали королей. Теперь люди редко видели пришельцев, те были слишком заняты. Но каждое появление кого-то из них на публике было событием. По эскизам Полины, из изобретенного ей материала, были изготовлены специальные костюмы. Светло-серебристая ткань в небе сияла, отражая свет, а легкий плащ при ходьбе развевался алым знаменем. Это были уже не юные пришельцы, это были боги. О них слагали легенды. У каждого была своя свита. Простые люди с благоговением произносили необычные для Мунунда имена.

Начинается грандиозное строительство новой столицы. Оказывается, на том месте, куда перенесли наши, попав в этот мир, в незапамятные времена был дворец Ревеллиров. История не сохранила причину их исчезновения, но о развалинах ходили дурные слухи, и к ним старались не приближаться. Однако провозгласившим себя потомками древних королей нечего было опасаться. И в развалинах закипела работа. В кратчайшие сроки они превратились в Трэдо Дэм – дворец Бренина. А вокруг поднялся Луилир – что значит «сияющий» – новая

столица. Гербом города стал белоснежный ягненок, опирающийся на книгу, – символ того, что народ Мунунда находится под защитой своих «богов».

– Видела такую скульптуру на площади. Собственно, из-за нее и полетела: рассердила жителей неуважительным отношением. Теперь понимаю, почему.

Так складывалась новая религия, и Детей Неба теперь называли Пастырями. Они стали носить на поясе своеобразный атрибут власти – кнут с металлическим наконечником, как знак того, что готовы и защищать свой народ, и руководить им.

– То есть, вот так приравняли людей к стаду? – поразилась я. – И никто не возмутился? Кристина покачала головой.

– Тебе сейчас трудно представить, что значили Дети Неба для народа. Уже тридцать лет мы жили в Мунунде и оправдывали самые радужные пророчества. Тем более что способности, действительно, были запредельны для простых смертных, так что и вправду можно было представить, будто с неба спустились боги и привели страну к невиданной мощи и процветанию.

– Народ не возмутился. Возмутились мы, – кивнул Женя на собравшихся. – Вот «боги» на нас и взъелись.

– Мы были как одна семья, – с горечью вздохнула Полина.

– Да, с Отцом во главе, – усмехнулся Саша. – Вот кто главный враг. Как-то, на заседании совета, мы решили напомнить собравшимся гордецам, что это не наш мир, что он принадлежит людям Виира, и никто не давал нам права ими помыкать. Но Полоцкий заговорил всем зубы.

– Тогда мы решили действовать постепенно, – продолжила Кристина. – Сначала надеялись, что получится убедить кого-то, но они оставались глухи.

– Их, в принципе, можно понять, – пожал плечами Саша. – Не так-то легко отказаться быть богом.

– И что вы сделали?

– Если Магомет не идет к горе, гора идет к Магомету, – подмигнул Артем.

– Раз не получилось пробудить совесть у богов, мы решили открыть глаза людям. Но кто предал нас.

Женя тихо выругался.

– Мы ничего не подозревали, когда получили приглашение явиться на внеочередной Совет, где нас прямо обвинили в предательстве. Попытались последний раз объяснить, но все впустую.

– И у вас отняли кольца?

– Нет. Мы отдали их сами.

– Зачем?!

Кристина замаялась.

– Полоцкий весьма интересовался всем, что связано с властью и влиянием на людей. Он очень внимательно занимался психологией. И способности его в этой области были несравнимы с нашими. Он сказал, что раз мы считаем, будто отличает нас от местных жителей только сила геласера, и поскольку эти люди так важны для нас, стоит отказаться от камней и присоединиться к простым жителям Мунунда. И под его взглядом мы сами сняли кольца. Это было похоже на гипноз.

– Не может быть... И никто не был против? Все согласились?

– Они были удивительно единодушны.

Я не могла поверить, что ребята вот так взяли и выкинули их. Как мог Олег Иванович быть таким жестоким? А Димка! Почему он не остановил отца?

– Видишь ли, – мягко сказала Даша. – Они уже не совсем те люди, которых ты знала. Все мы изменились, все-таки прошло много лет, но и кольца играют огромную роль. Ты еще не почувствовала, как сильно камень влияет на сознание.

– И вы поселились здесь?

– Не сразу. Поначалу не знали, что предпринять. Даже идя против Совета, мы не ожидали такого приговора. А Отец, не давая нам опомниться, тут же выбил последнюю опору из-под ног. Нас устранили от дел, которые мы возглавляли, запретили работать на значимых постах и жить в столице. Пришлось начинать с нуля. Мы поменяли несколько мест, прежде чем нашли эту деревню. Здесь тихо и спокойно.

– Почему вы не стали бороться? Не выполнили задуманное? Ведь вы хотели рассказать людям правду.

– Мы... – начал было Артем, но Кристина торопливо перебила его.

– Разоблачать мы могли, когда сами были Детями Неба. Но кто поверит сейчас? Как мы можем доказать свои слова?

– Но для местных вы все те же Дети Неба. Вас ведь все знают.

– Вовсе нет, – развела руками Полина.

– Уверен, он специально так устроил, – зло буркнул Женя.

– Это неизвестно, – мягко осадила его Даша. – Но мы уже давно к тому моменту не появлялись на публике. О каждом из нас, в сущности, люди знали мало, воспринимая, как единое целое – Совет. Ну, и костюмы тоже сыграли свою роль. Конечно, непосредственное окружение знало нас в лицо, но ведь кто-то из них и стал предателем. Приходится соблюдать осторожность. Лучше казаться обычными людьми.

– И как же вы теперь?

– В общем-то неплохо, – Кристина подмигнула парочке в кресле. – Живем спокойно. Работаем. Я вот – врачом в соседнем городе. Саша с Женей – на заводе. Артем в лаборатории, а Даша – даже до столицы добралась.

– Только я – свободный художник, – манерно закатила глаза Полина и сама же прыснула.

– И все-таки у меня в голове не укладывается... Хорошо: время, камень, власть – я понимаю. Но вот ведь вы остались собой. Что случилось с остальными? Как они могли все забыть? Саша с Женей переглянулись, а Полина потупилась.

– Скоро сможешь спросить у них, – спокойно ответила Кристина. – Думаю, самое позднее – к рассвету, за тобой приедут.

– Как они узнают, что я здесь?

– Полет видели многие, а потом ты вдруг исчезла. Сама в незнакомом городе, ты не смогла бы так удачно спрятаться. Да и зачем? Если горожане могут только гадать, Отец точно знает – деваться тебе больше некуда. Недаром по радио только мелькнула новость о твоём появлении, как все тут же замяли.

– По радио?

– Да, – кивнул Женя. – Телевизора Пастыри своему народу еще не подарили. И вряд ли это входит в их планы. А вот радио – очень полезная штука. Надо ведь указывать стаду верный курс.

Он заметно горячился.

– Пропаганда поставлена в стране великолепно, – кивнул Саша. – Если ей верить, вокруг – просто Золотой век.

– И люди верят, потому что это похоже на правду, – устало добавила Кристина. – Не забывайте, для многих все, действительно, замечательно.

– Да! Ведь это очень удобно, когда за тебя все решают, – опять встрял Женя. – Не нужно самому ни думать, ни желать. Тебе указывают, как жить, что хотеть, что правильно, а что преступно. Ты только живешь и выполняешь заданную программу. Прямо-таки рай! Который становится все больше и больше.

– Совет проводит активную внешнюю политику, – объяснил Саша. – Это, если официальным языком. А на самом деле – происходит аннексия соседних государств. Те не могут противостоять мощи Мунунда, поскольку намного уступают в техническом развитии и военной

силе. Дэру, Лиирд, Афала – теперь уже субъекты федерации, управляемой Советом. А ведь каждая из этих стран по площади не меньше Мунунда.

– К тому же эти площади весьма плодородны и богаты залежами монидовой руды, – ехидно вставил Женя.

Тонко засвистел зуум, приготовивший очередную порцию поддерживающего напитка.

– Ого! – вдруг воскликнула Кристина. – Вы посмотрите, сколько времени! А мне на утреннюю смену. Да и Вике нужно отдохнуть. У нее уже глаза стеклянные от всего услышанного.

Я действительно сидела, как в тумане. Много, слишком много свалилось на меня сразу, и мозг отказывался обрабатывать полученную информацию.

– Сегодня Кристина может переночевать у нас, чтобы освободить Вике комнату, – предложила Полина.

– Не бойтесь за свое уютное гнездышко? – свирепо нахмурился Темка.

– Пойдем, – смеясь, позвала меня Даша. – Помогу устроиться.

Спальней Кристины была маленькая комната, смежная с гостиной. Я машинально опустилась на стул, а Даша быстро застлала постель, вытащив свежее белье из тумбочки. Совсем как заботливая мамочка. Мама...

– Ну вот, все готово. Спокойной ночи, – и она опять обняла меня. – Я так соскучилась.

– О, Даша!.. – опять хлынули слезы. – Прости... я совсем распустилась сегодня.

– Нервы, все нервы. У тебя был очень трудный день. Нужно хорошенько отдохнуть, и все наладится. Давай, ложись.

И, улыбнувшись на прощанье, вышла из комнаты.

Казалось невыносимым сделать такое усилие, но я все же разделась и упала на подушку. Хотелось сразу отключиться и ни о чем больше не думать. На кухне еще разговаривали. До меня долетали отдельные слова. Громче заговорил Женя, но на него шикнули. «Почему они дома говорят на местном языке?» – удивилась я и провалилась в сон.

4

Первое, что увидела, открыв глаза, – солнечные тени на потолке от шевелящейся листвы. Мои сны были гораздо спокойнее и обыденнее реальности, в которую я вернулась. Все кардинально поменялось за одни сутки. Раньше я была одна в своем разбитом мире. Теперь нашла ребят и потеряла все остальное. Если уж они не смогли за столько лет найти пути назад, значит, и мне он не светит. На глазах опять закипали слезы. Я никогда не вернусь! Это ужасно! А как же мама с папой? Я видела родителей ребят. Знаю, как убивало их исчезновение детей. Уничтожало день за днем. Без надежды.

Да и сама я не хотела оставаться в этом мире. Чужом, странном. Что мне делать здесь? Кто я – Вика или Дитя Неба? Мне нужно встать на чью-то сторону? И одна мысль, старательно загоняемая в уголок подсознания, выплыла вперед. Как он мог позволить отцу выгнать ребят? Я должна с ним поговорить! Стоп. Ведь Кристина сказала, что утром за мной обязательно придут. Который час?

Я огляделась. Маленькая комната была уютной. У окна – небольшой стол, к нему придвинут стул с мягкой спинкой. На столе и полках – много книг. А вот и часы. Только определить по ним время было крайне затруднительно. Цифры шли не по кругу, а изгибались спиралью, а стрелочек было целых четыре! Придется отложить на потом. В любом случае, пора вставать.

На стуле уже ждало миленькое платье. Видимо, Даша приготовила свое. Мда, к этой моде еще следовало привыкнуть.

Не обнаружив никого в смежной комнате, я прошла на кухню. Распространявшийся оттуда чудесный запах разбудил дремавший голод. Баррики бариками, но хочется уже чего-то посущественнее.

Даша резала овощи, а за столом, с кружкой сиорда, сидел Артем. Сегодня уже без повязки на горле.

– Пррривет! – раскатывая «р», подмигнул он.

– Доброе утро! Тебе уже лучше?

– Я полностью здоров!

– Если бы, – усмехнулась Даша. – Как спала?

– Хорошо. Все уже ушли?

– Да, время-то к обеду.

– Ничего себе, я отключилась! А у тебя выходной?

– Отгул. Последние недели был аврал, трудились без выходных, так что на сегодня я отпросилась. Хотя у нас это не приветствуется. Как, впрочем, и везде.

– Да, – саркастично изрек Артем. – Народ должен работать, работать и работать. Не отвлекаясь на глупые размышления. Ты не трудишься изо всех сил? Не отдаешь всего себя благоустройству и процветанию страны? Ты недостойный человек!

Он опять подмигнул и сделал большой глоток из чашки.

– На самом деле, во всем этом вроде бы нет ничего плохого, – Даша собрала овощи в миску. – Если бы у людей был выбор. Но им с детства втолковывают истину о неважности каждой отдельной жизни. Есть только главная цель, только общее благо. В итоге это сказывается и на труде, и на мышлении человека.

– Мыслить – дело других, – вмешался Артем. – Даже не дело, а привилегия ограниченного круга лиц.

– Увы, да.

Даша вздохнула и открыла дверцу печки. В клубах ароматного пара появился пирог.

– Разговор разговором, а завтрак – завтраком, – она положила на мою тарелку внушительный кусок. – Только осторожно, горячий.

Пирог оказался восхитительным: мягким, нежным, со сладкими ягодами.

– Обалденно, – пробормотала я с набитым ртом. – Ты чародейка!

– Там нет ничего сложного, – отмахнулась Даша, наливая сиорд себе и Теме. – Суп пока не готов, можно перекусить.

– Это если Вика досидит до супа, – уточнил Артем, откусывая знатный кусок пирога.

Натянулась пауза. Я уже без прежнего удовольствия дожевывала.

– Вроде бы Кристина говорила, что за мной пришлют?

Даша задумчиво покачала головой.

– Да, это странно. Не может быть, чтобы они не догадывались где ты.

– Мне могут быть не рады. Зачем тогда присылать?

Артем хохотнул.

– Это вряд ли. Рады они тебе или нет, ты все равно Дитя Неба. А мы уже убедились, что все Пастыри должны действовать сообща. Или они не будут Пастырями.

– Но я не Пастырь. Меня никто не знает.

– Не важно. У тебя такая же сила. И ты скоро начнешь развиваться не по дням, а по часам. Не забывай про кольцо.

Что-то удержало меня от того, чтобы рассказать им о камне, висящем на шее. Хотя с его помощью я могла бы вернуть им силу. Возможно, это была минутная заминка, и я раскрыла бы тайну, но тут в дверь постучали.

Артем с Дашей переглянулись, и она побежала открывать, а Темка вдруг суетливо подскочил:

– Давай, еще тебе налью.

Я не успела ответить. В прихожую кто-то вошел, и наступила тишина. Сердце екнуло. Я встала и увидела Диму. Глядя только на меня, он шагнул навстречу

– Вика... здравствуй.

Я кивнула.

– Что с тобой? Не рада меня видеть?

Боже мой, сколько раз во сне я бросалась ему на шею, думая, что нашла. И вот, нашла. Но все оказалось совсем не так.

Голос подвел, и вышло хрипло:

– Не знаю.

Он опустил протянутую руку.

– Что ж... Но, надеюсь, ты поедешь со мной?

Я встретилась глазами с Дашей. Та улыбнулась, но лицо дрогнуло.

– Хорошо, – обняв ее, я нарочито весело попросила. – Оставьте мне суп. Хочется попробовать.

За калиткой ждал роскошный светло-серебристый автомобиль с эмблемой на капоте. Стоящий около машины шофер распахнул дверцу, склонившись в учтивом поклоне.

Стало на секунду страшновато. Оглянувшись, я увидела Дашу на крыльце дома. Она слабо улыбнулась и помахала рукой. Махнув в ответ, я села в машину.

Какое-то время ехали молча. Машин на дороге было совсем мало. Скорее всего – это привилегия избранных. Вдруг Дима ласково сжал мою руку, лежащую на сиденье. Я повернулась, но не ответила на улыбку.

– Похоже, ты сердисься.

– Тебя это удивляет?

– Не делай выводы, пока не выслушаешь другую сторону.

– Другую сторону? Да как вы могли!

– Вика, ты не все знаешь.

Я фыркнула и опять отвернулась. Было невыносимо горько сидеть от него так близко и представлять, как все могло бы быть иначе.

– Почему наконец сработал портал?

– Надела кольцо. В первый раз с тех пор. Шла по улице, налетел ветер. И оказалась в городе.

– Как дела там... в нашем мире?

– Все по-прежнему. Тебе будет трудно поверить, но там прошло всего два месяца.

– Знаю.

Я удивленно уставилась на него. Дима кивнул.

– Да, мы давно догадались о разнице во времени.

Вот, значит, как. Почему ребята сказали другое?

– Это было ужасно, когда вы пропали... Ты не понимаешь.

– Неужели? Думаешь, нам было легко? Не страшно до жути в первое время? Ты, правда, считаешь, что мы здесь не тосковали по близким? У нас было достаточно времени для того, чтобы понять – оно не лечит. Вика! – он сжал мою руку. – Черт возьми, мы как чужие! Для меня прошло пятьдесят лет, не для тебя! Когда ты успела все забыть? Я как сумасшедший искал любой способ вернуться, пока не потерял всякую надежду. Видел тебя во сне так ясно...

– Да, ты тоже мне снился...

Грудь сжало, так что стало трудно дышать, и долго сдерживаемые слезы хлынули по щекам. Дима прижал меня к себе и нежно гладил по голове. Но сомнения не утихали, и, немного успокоившись, я отстранилась, вытерла слезы и повернулась к окну.

Мы уже въехали в город. Если вчера трамвай вез нас с Дашей по окраине, то теперь мы двигались в основном по широким главным улицам, приближаясь к центру города. Да, это был действительно Луилир – Сияющий! Белые высокие здания, множество окон, бьющие фонтаны, мраморные статуи. Было заметно, что город еще молод, но, несомненно, – это столица.

Я обратила внимание, что люди оборачиваются вслед машине, дети бегут следом по тротуару, стараясь подольше не терять нас из виду. Они что-то радостно кричали и размахивали руками.

– Приветствуют своего Пастыря? – усмехнулась я.

– Нельзя заставить любить.

Впереди уже возвышались башни Трэдо Дэма. Не задержав нас ни на секунду, распахнулись ажурные ворота, и машина въехала в раскинувшийся за оградой парк. Остановившись перед главным крыльцом, шофер тут же выскочил, чтобы распахнуть дверцу. Вслед за Димой я поднялась по ступенькам, и мы прошли целой анфиладой роскошных залов. Попадавшие на пути люди почтительно отступали и кланялись. Наконец, подошли к массивной двери, охраняемой высокими солдатами в белых мундирах. Створки отворились, и я увидела просторную комнату, в центре которой стоял большой круглый стол. Помнится, при дворе короля Артура такая форма подчеркивала равенство всех рыцарей, восседающих за столом. Но здесь удивительным образом сразу становилось понятно: кто главный, хотя внешне Отца выделяла лишь тонкая цепь на груди.

Олег Иванович первым поднялся и пошел мне навстречу. На его лице читалась такая искренняя радость, что моя решимость ослабела, и когда он, со словами: «Добро пожаловать», – обнял меня, я не воспротивилась. Но тут же заметила, что цепь украшена шестью камнями, поблескивающими внутренним алым светом. Геласер! На Земле он не казался таким красивым. Притягательно красивым! Так вот, что случилось с кольцами ребят. Я отстранилась. Полоцкий тревожно посмотрел на меня, но ничего не сказал.

Между тем, нас окружили ребята. Нет. Все-таки Пастыри. Все были в тех самых серебристых костюмах, удивительно хорошо скроенных по фигуре. Кое-кто в алых струящихся плащах.

Возможно, потому что Дима приехал в простой белой рубашке, а может, потому что я любила его (значит, всегда он казался мне лучше, чем есть на самом деле), в нем перемена не была столь очевидной.

Глядя на эти серебристые фигуры, я опять поймала себя на обманутых ожиданиях. Пусть это было глупо на фоне всего, что происходило, но я вспомнила, какими видела во сне подобные встречи. Радостные, внезапные, где есть место и слезам, и смеху, и болтовне. Я не смогла бы поболтать с теми, кто стоял сейчас передо мной. Ни поболтать, ни поплакать на плече от радости. И теперь я понимала, почему все охотно принимали их за богов. И видела, чего лишились Даша и другие вместе с кольцами.

Дети Неба были похожи на эльфов – такие же мудрые и вечно юные. Словно излучающие сияние. Они были доведенными до совершенства копиями тех ребят, которых я знала.

Пастыри так же внимательно рассматривали меня. Инга улыбнулась и заговорила первой (впрочем, она всегда стремилась быть в авангарде):

– Не будь это Вика, подумала бы, что она растерялась.

– Или что не знает нас, – тонко подметила Наташа.

– В этом я как раз и не уверена, – с Натой мы никогда не ладили. – Вас, действительно, не узнать.

– Так здесь полвека пробежало, – вставил Максим своим приятным голосом.

Он стоял за Ингой, словно загораживаясь худенькой фигуркой. От меня? Или, как всегда, старался держаться чуть в тени, несмотря на свою красоту, ставшую просто ослепительной.

Интересно, любит ли его Даша по-прежнему? И Марина с Пашей тоже рядом – привычная парочка.

– Полвека-то полвека, но Даша или Женя ничуть не изменились, – невольно покривила я душой.

Алексей почувствовал эту ложь:

– «Ничуть» – это уж слишком, тебе не кажется? В сущности, нелестная характеристика. Если люди с годами не развиваются – это печально.

– Смотря, в какую сторону развиваться, – сжала я кулаки.

– Давайте присядем, – предложил Полоцкий.

За столом он усадил меня по правую руку, рядом с Димой.

– Конечно, тебе уже рассказали о том, что произошло за эти годы и с нами, и с этим миром в целом. Но, как и любой рассказ, он был субъективен. Не будем начинать длинную историю снова и повторяться. Может быть, у тебя есть вопросы?

– Не много. А точнее – всего один, – я выдержала паузу, чтобы не дрогнул голос. – Как вы могли это сделать?

Все равно получился страдальческий вопль. Это было неприятно.

– Сделать что? – фальшиво хлопнула глазами Юля, став вдруг опять самой собой.

Рома поморщился:

– Не надо. Все мы прекрасно понимаем: Вика хочет узнать, как мы могли выгнать... ребят.

Он произнес это слово с запинкой. Видимо, Пастыри давно уже не называли себя так.

– Предателей, – холодно поправила Инга.

– Кого же они предали?

– В первую очередь самих себя, – посмотрел на меня Алексей; и я вдруг поняла, что от прежнего его заикания не осталось и следа. – Сломали свою жизнь из-за глупого тщеславия.

– Их жизнь – это их беда, – нахмурился Рома, – но они предали общее дело. Предали страну, где нас приняли как своих. Предали Отца!

– Постой, Роман, – примирительно подняв ладонь, остановил его Олег Иванович. – Сейчас не будем об этом. Возможно, рассказывая Вике об изгнании, они не совсем честно описали его причины.

– Причиной было их несогласие с вами. Попытка опровергнуть вашу «божественность» перед жителями страны, которыми вы помыкаете.

Олег Иванович горько рассмеялся, за столом послышались гневные возгласы.

– Почему ты им поверила? – прошептал Дима над ухом.

Я повернулась к нему, но тут заговорил Полоцкий.

– Что ж, позволь оправдаться. Если уж употребили такой термин, то богами возомнили себя как раз они. Это было вовсе не желание открыть людям глаза, а попытка революции, несомненно, скатившей бы страну в пучину хаоса. Мы не могли этого допустить. И не допустили ради тех самых людей, для которых трудимся уже многие годы, и которыми якобы «помыкаем». Вчера ты была в городе. Видела страх на лицах? Тревожные взгляды? Полицию повсюду? Полно! Двадцать человек, даже с нашими возможностями, не могут поработить целый народ. Все свои силы, все умения мы направили на то, чтобы улучшить их жизнь. Как бы предвзято тебе ни рассказывали об этом, нельзя отрицать, что благодаря нашим трудам страна совершила небывалый скачок в развитии. Это огромная потеря, что ребята предали свое дело, ведь каждый был важен в своей области. Каждый стоил целого института и мог сделать еще много важных открытий. Но они захотели власти. Исключительной власти! Увы, Вика, должен предупредить и тебя: уникальная сила кружит голову, заставляет забыть о своем долге. И так вознесенные над другими людьми, ребята захотели стать единственными. Но тут им не хватило упорства. Или решимости. Узнав о том, что заговор раскрыт, они труслили. Честное слово,

большее уважение у меня вызывают их сообщники! Сразу после того злополучного совета, когда они отдали кольца, – заметь, отдали сами, по своей воле, – и мы еще пребывали в растерянности от случившегося, приближенные к бунтовщикам люди умоляли их о решительном выступлении, которое тогда еще было возможно. Призывали стоять до конца. Но тщетно. Все последующее – запрет на жизнь в столице, работу – не месть, а вынужденная мера. Пока они не одумаются.

Он говорил мягко и спокойно, и, признаюсь, решимость моя угасла. Я разом вспомнила все странности, что заметила вчера. Почему они так спокойно смирились с изгнанием? Отчего притворились, что не знают о разнице во времени между нашими мирами? Что обсуждали на местном языке, отослав меня спать? Очевидно, что-то такое, о чем я не должна была знать.

Я ухватилась за последнее слово Полоцкого:

– Пока не одумаются?

– Конечно! Я не сомневаюсь, что они поймут свою ошибку и признают, как важен наш труд. Согласятся с тем, что мы были призваны спасти этот мир.

– Призваны? – насторожилась я.

– Ты еще многого не знаешь о камне. Тебе не показалось странным, что геласер достался не маленьким детям, не состоявшимся уже взрослым, а вам – молодым, смелым и чистым? Вы были избраны!

– Очень лестно считать себя избранным, которому все позволено.

– Поверхностное суждение. С тех пор, как мы оказались здесь, жизнь твоих друзей – это ученье и труд. Кто захотел бы добровольно взваливать себе на плечи такую тяжесть? Вместо радостной и беззаботной юности – долг и ответственность. И как оказалось, не все готовы были нести эту ношу.

– Теперь ты все знаешь, – сказал Дима.

– Знаю? Теперь я знаю две правды вместо одной, вот и все. Точнее, две версии правды.

А что здесь истина – уже не разберешь.

– Зачем нам лгать? – пожал плечами Алексей.

– А им зачем? – парировала я.

– Чтобы использовать тебя! Кольцо, – прищурилась Инга.

– Может быть, и вы хотите меня использовать?

– Стоп! – вмешался Олег Иванович. – Этот разговор ни к чему хорошему не приведет.

Вика права – на нее свалилось слишком много информации. Нужно все обдумать. Мы ничего не навязываем. Ты сама решишь, что делать. Если понадобится, я рад буду помочь, захочешь сама осваиваться в этом мире – ты свободна в своих поступках. Но как бы там ни было, надеюсь, эту ночь ты проведешь в моем доме. Это просьба, – он накрыл мою ладонь своей, ласково глядя в глаза. – В память о нашей прежней жизни.

Я неохотно согласилась: не могла уехать от Димы так сразу. К тому же возвращение в эту минуту к ребятам, означало бы признание их правоты. А я совсем не была в ней уверена. Пусть так: ночь там, ночь здесь. Утро вечера мудренее.

По приказу Полоцкого мужчина в белой униформе проводил меня в большую комнату с кремовыми стенами и светлой мебелью. Я вышла на балкон. Невысоко – второй этаж. С этой стороны дворца раскинулся великолепный парк. Аллеи высоких деревьев с пышными зелено-синими кронами. Цепь аккуратных прудов с фонтанами. Внизу – кусты с темными, почти черными листьями. Налетевший холодный ветер взлохматил их, потревожив перламутрово-белые соцветия. Я поежилась и поспешила закрыть дверь.

Не надеясь еще на знание языка, я знаками объяснила слуге, что хотела бы принять ванну, и он с поклоном провел меня в соседнее, не менее роскошное помещение, где все уже было готово. Я поблагодарила и отпустила его. Только оказавшись в теплой ароматной воде, почувствовала, как напряжена. Очень хотелось ни о чем не думать. Как же это мучительно! Я ока-

залась меж двух огней и никак не могла решить, что делать. Но ванна оказала благотворное действие, и я немного успокоилась.

Завернувшись в просторный мягкий халат, опять подошла к окну. За это время собиравшиеся у горизонта тучи успели затянуть все небо. Вдалеке поблескивали зарницы. Приближалась гроза.

Никогда еще я не была так одинока. Раньше хотя бы оставалась память о тех, кто безвозвратно исчез, словно между нами протянулась тонкая ниточка. Теперь не было ничего. И никого. Те, кого я нашла, уже не были прежними. Я не понимала их и не знала, кому можно верить. Очевидно, и те, кто оставался в маленьком домике, и те, кто встретил в этом дворце, хотели, чтобы я встала на их сторону. Почему? Предположим, первые – потому что их мало. Они обижены. И у меня есть кольцо. Совет, возможно, не хочет помощи для изгнанных, а может быть, они надеются, что я смогу быть чем-то полезна. Мне стало тошно.

Предположим, с Ингой, Натальей и Кариной я никогда особо не сближалась. Но Ольга была лучшей подругой Кристины. С Лешей я долго сидела за одной партой, и не знала мальчишки добрее и справедливее. Ромка безуспешно ухаживал за Полей, рыцарски отступив, только когда она выбрала Сашу. А с Женей они вообще были не разлей вода. Живущие теперь в изгнании ребята не были в школе сплоченной компанией. Почему именно они объединились против Совета? Как рвались связи, сплетавшиеся годами? Почему однокашники стали чужими друг другу? Камень, все проклятый камень! Мало того, что лишил дома, он еще украл нас у самих себя.

Что же делать? Можно ли еще что-нибудь исправить? Нельзя терять голову. Нужно присматриваться и сохранять осторожность. Пожалуй, еще рано делать выводы.

В дверь постучали. Я встрепелась, но это оказались две милые девушки, видимо, горничные. Тоже в белых нарядах. Они с поклоном установили маленький стол и накрыли его к ужину. Все выглядело очень аппетитно, но мне кусок в горло не лез. Я вспомнила, что просила Дашу оставить суп. Что они теперь подумают обо мне? Но ведь это всего одна ночь, я все объясню. С другой стороны, что если они и вправду предатели?

Напиток, оказавшийся в графинчике, был похож на легкое белое вино, но душистое и пряное на вкус. По телу разлилось приятное тепло, и стало немного легче. Я вяло пожевала барик – есть по-прежнему не хотелось.

В дверь опять постучали. Меньше всего в ту минуту я ожидала увидеть Олега Ивановича. Он вошел, тихо затворив за собой дверь.

– Похоже, ты ожидала увидеть кого-то другого, – он улыбнулся и сел рядом. – Я специально запретил ребятам приходить к тебе. Да, не удивляйся. Не хочу, чтобы кто-то повлиял на твой выбор. К тому же, тебе сегодня нужен покой. А каждый из них, хоть формально теперь и старше своих родителей, хотел бы узнать новости из дома. Тоска не исчезла до сих пор.

– Скажите... Неужели, действительно, нет никакого способа вернуться?

Он печально покачал головой.

– Для нас нет пути назад.

Только тогда я поняла, как сильно надеялась, что уже после изгнания ребят выход нашли. Горло сдавило, и я судорожно вздохнула, не давая себе заплакать. Олег Иванович ласково погладил меня по плечу.

– Вот так же я утешал и их: то одного, то другого... Сначала ребята держались, и ведь у нас была надежда. Но время шло, ее место занимало отчаяние. Я представляю, как ты тосковала, но ведь каждый из них оставил дома значительно больше. Повезло только мне, и я долго считал это чудом, пока не понял, что здесь им просто необходим был наставник, руководитель, отец... Прежде у меня был один сын, а теперь он стал одним из многих. Я помогал, утешал, радовался успехам. Поэтому – как бы ни выглядело со стороны – вынужденное изгнание Кристины и других причинило мне сильную боль. Прошло много лет, но в чем-то они по-

прежнему дети. И понять свои ошибки, признаться в этом, переступить через свою гордость – им очень трудно. Поэтому твое появление для всех – большая радость. Надеюсь, ты сможешь перекинуть спасительный мост понимания между нами.

Я вытерла глаза, в голове шумело. Олег Иванович встал и подошел к столику с накрытым ужином. Он налил в бокал пряный напиток и добавил по ложечке желеобразного вещества из двух маленьких пиал, размешал и протянул мне.

– Местная флора очень богата. Многие обычные продукты питания не только полезны, но и обладают целебными свойствами. Выпей, это поможет успокоиться и снимет усталость.

Он наклонился, поцеловал меня в лоб и вышел.

За окном совсем стемнело. Послышались глухие раскаты грома. Повозившись с выключателем, я погасила люстру и маленькие уютные светильники. Комнату затопила темнота. Я подошла к окну.

Теперь слышно было, как шумит ветер в ветвях деревьев. Внезапно ослепительная молния разрезала тучи, и через пару минут глухо заворчал гром. Гроза началась. Тогда еще я не знала, что подобные ненастья здесь не редкость, в нашем же мире никогда подобного не видела. Казалось, небеса кипели! Разветвленные, слепящие молнии секундной вспышкой освещали парк так, что я могла видеть отдельные листья на ветках.

Съездившись в мягком кресле, я сидела напротив окна, не в силах оторваться от этого зрелища разбушевавшейся стихии. На какое-то время все сомнения и проблемы отступили. Я ни о чем не думала, сливаясь с грозой. Наконец, молнии стали реже, ветер тише, и хлынул дождь. Потоки воды лились на землю, снимая напряжение бури. И под этот шум я заснула.

5

Сны были тревожными, и, проснувшись, я почувствовала, как затекла шея.

Утро едва начиналось, а от ночной грозы не осталось и следа: в чистом небе гасли последние звезды. Открыв дверь, я вышла на балкон. Свежесть, какая бывает только после дождя, взбодрила меня лучше холодной воды. В листве ближнего дерева мелодично тенькала невидимая птица. Ей ответила другая. И пока яркие краски восхода раскрашивали небо, парк просыпался для нового дня, наполняясь шелестом и пеньем.

Вдруг внизу послышался тихий голос:

– *«О чем она задумалась украдкой?»*

О, быть бы на ее руке перчаткой,

Перчаткой на руке!»

– *«О горе мне!»* – подала я реплику, глядя на Диму, облокотившегося на постамент статуи под балконом.

– *«Проговорила что-то. Светлый ангел,*

Во мраке над моею головой

Ты решишь, как крылатый вестник неба

Вверху, на недоступной высоте,

Над изумленной толпой народа,

Которая следит за ним с земли».

Он до сих пор помнил эти строчки! Когда наш класс к семинару по английскому готовил отрывок шекспировской пьесы, как-то само собой решилось, что Ромео и Джульетту будем играть мы с Димой. Надо сказать, тот спектакль удался, зрителям понравилось. Как много времени прошло. И как мало...

– Ну, и как там видно с земли?

– Неплохо, – ответил он. – Но все-таки, если не возражаешь...

И он с необычайным проворством взобрался на балкон, цепляясь за выступы барельефа.

– Привет, – улынулся Дима, сидя на перилах и болтая ногами.

Он опять был не в одежде Пастыря. Тонкий свитер, брюки. Словно ничего не случилось, а он просто вернулся из долгой поездки.

– Тебе, кажется, запретили приходить.

– Поэтому я и заявился только сейчас.

– К тому же под дождем лезть неудобно.

– Но промокшего и холодного ты бы меня пожалела и сразу пригласила в комнату, – хитро посмотрел он.

– Не факт. Я бы могла принять тебя за ночной кошмар.

– А что, похож?

– Временами.

– И местами?

Мы рассмеялись.

– Ладно уж, ночной кошмар, входи.

– Ты неплохо устроилась.

– Да, у вас шикарный дворец.

– Я здесь редко появляюсь. Часто в разъездах. И вообще это не дом, а резиденция Совета.

Он смотрел спокойно и нежно, но, исчезнувшая было, стена опять выросла. В комнате повисло напряженное молчание. Я не знала, что делать.

– Давай убежим!

– Что?

– Пока все еще спят, сбежим в город. Давай! Я покажу его тебе.

– Но как же я...

– Иди сюда, – Дима схватил меня за руку и подвел к шкафу, где оказалось много одежды на любой выбор.

– Еще прохладно, поэтому накинешь плащ. Надень вот эту юбку: сейчас такие в моде. И эти туфли подойдут.

Он всегда хорошо разбирался в одежде, и я любила советоваться с ним в магазинах. Раньше...

– Ну, что ты стоишь? Давай быстрее! Если хотим уйти незамеченными, нужно торопиться.

Подчиняясь его уверенному голосу, я быстро переоделась, стянула волосы в узел. Мы выбежали на балкон и, спустившись, помчались по парку, скрываясь в тени деревьев. Перелетев через высокий забор, чудом разминулись с патрулем, охранявшим Трэдо Дэм, и припустили по периметру площади. В груди щекотало веселое возбуждение, словно мы сбежали с урока. Свернув на еще безлюдную улицу, пробежали пару кварталов и остановились, задыхаясь от смеха. Я и не заметила, что все это время мы крепко держались за руки. Как прежде. Но теперь, зябко поеживаясь, я освободилась и сунула руки в карманы плаща. Дима хотел что-то сказать, но я опередила:

– Идем же.

И первая пошагала вниз по улице. Она вывела на крупный перекресток. Здесь движение было гораздо активнее. Город просыпался: люди торопились на работу, позванивая, проехал трамвай.

– Рядом смотровая площадка. Пойдем встречать рассвет, – предложил Дима.

Мы влились в постепенно увеличивающийся ручеек прохожих, ничем не выделяясь. «Рядом» оказалось на деле не так уж и близко, но оно того стоило. Вид со смотровой площадки открывался великолепный! Лучше, пожалуй, только с башен Трэдо Дэма. Над крышами разлилось розовое сияние, становившееся все ярче. Легкая дымка таяла в воздухе. Наконец, утренние лучи победно брызнули из-за горизонта, разливаясь по крышам и зажигая окна домов.

– Волшебнo! – прошептала я.

Дима осторожно обнял меня.

– Ты совсем замерзла: здесь сильный ветер. Нужно позавтракать!

И мы опять побежали, с трудом удерживаясь от желания взлететь.

На улицах бурлила жизнь. Распахнули свои двери магазины и лавочки, а также – многочисленные крошечные закусочные. Но Дима вел меня мимо, объясняя на ходу очень тихо, чтобы не привлекать внимания русским языком:

– Многие приезжают на работу из ближайших деревень или маленьких городков. И завтракают уже тут, буквально на бегу. Да и жители Луилира не утруждают себя утренней готовкой. Так что мест, где можно перекусить на скорую руку, хватает. Но есть особенно уютные.

Выбранная им закусочная выходила окнами на большую шумную улицу, где теснились высокие пафосные здания. Но вход в небольшое уютное помещение шел из боковой улочки, поэтому, сидя за круглым столиком, накрытом клетчатой скатертью, среди стен, увешанных картинами сельских пейзажей, можно было подумать, что вместо стекол здесь – огромные экраны, показывающие совершенно иной мир. Столик мы нашли с трудом – народу, действительно, было много. Заведение явно пользовалось успехом. Люди оживленно болтали, обменивались новостями. Некоторые наоборот – угрюмо жевали, глядя прямо перед собой, не очень-то радуясь новому дню.

Дима протиснулся с подносом, нагруженным едой, и принялся, как заправский официант, расставлять чашки и тарелочки, вполголоса объясняя, что к чему.

– Здесь, в пиалах, – каша. Наподобие нашей овсянки, только вкуснее. Утренний сиорд, – он разлил по чашкам густой темный напиток. – Крепкий, хорошо бодрит – лучше, чем кофе.

– А это барики, – кивнула я на мисочку.

– Не совсем, это вроде печенья. Стандартный завтрак: сытно и просто.

– И вкусно, – подытожила я, попробовав кашу.

Мы не торопясь завтракали, пока оживленный поток спешащих на работу не поредел. В закусочной кроме нас оставалась пара человек.

– И что теперь? – тихо спросила я.

– Пойдем гулять.

– А нас не будут разыскивать?

– С какой стати? Мы взрослые свободные люди. Если же сорвали план какого-то официального мероприятия, – тут он лукаво подмигнул, – оно и к лучшему.

– А своих планов у тебя нет? Я поняла: вы все очень заняты. Ты чем-то руководишь?

Дима поморщился.

– Да. Я занимаюсь строительством. Не архитектурой, это Дашина область. Была, – поправился он. – Сейчас по всей стране идет масштабная стройка. Это новые предприятия, перепланировка населенных пунктов, возведение новых.

– Много работы. А ты взял и сбежал.

– На что ты меня провоцируешь?

– Ни на что. Хочу понять.

– Что? – он вдруг взъерошился. – Я могу допустить, что ты не веришь Отцу, не веришь Совету. Но почему ты не веришь мне?

Он говорил так громко, что на нас стали оборачиваться. Хорошо, что посетителей осталось – раз-два и обчелся.

– Пошли, – прошипела я и выскользнула из-за столика.

Дима догнал меня на улице и крепко схватил за руку. Мы шли молча, и я не решалась перечить, чувствуя, как он напряжен. Дима привел меня в сквер, еще пустой ранним утром. Затащив в беседку над прудом, развернул лицом к себе.

– Ты не ответила.

– А что я должна ответить? Вы выгнали их. Даша – моя лучшая подруга. Она говорит одно, ты – другое. Кому мне верить?!

– Они предатели!

– Это я уже слышала! И их версию тоже. Не сходится. Кто-то из вас врет.

– И ты сразу решила, что мы? А они не говорили тебе, что собирались убить Отца? Сказали про этот пункт программы?

– Какой программы?

– Плана переворота! Эти бумаги, между прочим, нашли у твоей подруги. Там все было очень логично и продуманно. И время, и слаженные действия. Одно из первых – удар под дых – устранение Бренина.

– Не может быть... Это какая-то ошибка. Программу составляли не они!

– Хорошо, – он перевел дух (щеки пылали, значит, очень сердит). – Давай сегодня, на один день, забудем все это. Черт возьми! Да я уже не надеялся увидеть тебя! Только сны, только тоска. Вика...

Он наконец-то обнял меня так крепко, словно лишь сейчас увидел. Все остальное стало неважно. Кажется, мы оба шептали – я люблю тебя! – много раз, пока слова не потеряли значение.

Мы договорились ни о чем не вспоминать в этот день. Просто провести его вдвоем. Пожалуй, это был единственный, самый лучший день, который я провела в Виире. Безмятежный и спокойный. Дима стал моим гидом, а посмотреть было на что. Думаю, я застала его лучшую пору Луилира. Это было законченное творение. Уникальное! Он не рос со временем, соединяя в себе старое и новое, как обычные города, а возник сразу, единым ансамблем. Это создало неповторимую атмосферу: в молодом городе бурлила жизнь.

Как я узнала позднее, новая столица стала подлинным сердцем страны. Административным, экономическим и культурным центром. Промышленных предприятий не было, ничто не портило красоту и белоснежное сияние города. Словно кровеносные сосуды, от Луилира сетью расходились дороги, поддерживающие связь со всеми концами Мунунда.

Возможно, в тот день мои глаза затуманило счастье, но я видела довольных, энергичных людей: работающих, спешащих по делам, отдыхающих в парке. Их никак нельзя было назвать «стадом».

После полудня на улицах появились школьники: учебный год здесь заканчивался с первым месяцем лета. Озорное, радостное, беззаботное племя – будущее страны. И знают это.

Между тем, я опять проголодалась. Мы как раз подошли к большому строгому зданию. Уже кое-чему научившись, я смогла разобрать слова на портике.

– Университет?

– Да. Главный университет столицы. Да и страны тоже. Очень кстати. Сейчас и пообедаем.

– Нас пропустят в студенческую столовую?

Дима пожал плечами.

– Мы могли бы пройти. Но зачем? В это время года студентов можно встретить где угодно, только не в столовой.

Он улыбнулся и повел меня вокруг здания. Там был сад: невысокие раскидистые деревья росли рядами, а под ними, прямо на траве, группками расположились наши ровестники. Они ели, листали тетради или просто лежали, закинув руки за голову. Большинство девушек были в брюках и с короткими стрижками. Очевидно, такой чинный вид, как у меня, не соответствовал свободе студенческой жизни. Небольшие очереди толпились у тележек с пестрыми зонтиками. Мы тоже встали. Очередь двигалась быстро.

– Фастфуд? – шепнула я, и Дима улыбнулся.

Вскоре мы отошли от крикливого усатого продавца с бумажным пакетом и бутылкой воды.

– Студенты – народ небогатый, – объяснил Дима, когда мы нашли уютное местечко под деревом. – Поэтому безо всяких изысков.

В пакете оказались бутерброды с котлетами и кулечек с зажаренными во фритюре ломтиками овощей.

– Вкусно, – подытожила я, облизывая пальцы. – Слушай, я сейчас подумала – город совсем молодой, а деревьев здесь много и такие высокие. Как вам это удалось?

– Ольга занималась озеленением.

– Оля Солодова?

– Да. Это она подбирала быстрорастущие сорта, следила за тем, чтобы большие уже саженцы прижились. Что-то вместе с Ромой хитрили над удобрениями.

– Здорово получилось.

Среди сидевших неподалеку от нас студентов разгорелся спор. Двое мальчишек горячо доказывали что-то, а остальные изредка поддерживали их репликами. Единственная в этом кружке девушка с горящими глазами слушала спорщиков, забыв о зажатом в руке бутерброде.

Чуть в стороне, пристроив тетрадь на сумку, худенький студент торопливо перелистывал конспект. А под соседним деревом, аккуратно расправив широкую кокетливую юбку, девушка с нежностью смотрела на молодого человека, положившего голову ей на колени и, по-моему, совсем не слушала, что он ей читал.

– О чем задумалась? – поинтересовался Дима.

– О том, что мы никогда не будем как они. Знаешь, я ехала на первый день занятий, когда... когда это случилось. Ехала... и не доехала, – он стиснул мою руку. – А помнишь, мы планировали встречаться в столовке после лекций, вместе готовиться к экзаменам? Летом хотели автостопом отправиться в Алушту, к твоим родственникам. Помнишь?

Он помрачнел.

– Нет. Это было давно... Сейчас уже не важно. Главное, что мы вместе. Разве не чудо? И я тебя больше не потеряю.

Последние слова он произнес так властно и строго, что у меня сжалось сердце. Видимо, Дима заметил мой испуг:

– Мы засиделись. Пойдем, я приготовил тебе сюрприз.

– Вот как? – я насторожилась.

– Тебе понравится, я уверен. Идем.

Мы пересекли университетский сад и вышли на другую улицу.

– Бежим! – Димка вдруг рванул меня за руку.

К остановке как раз подъехал трамвай, мы едва успели заскочить внутрь.

Пришлось остановиться на ступеньках – дальше было не пройти. Дима схватился одной рукой за поручень, а другой крепко прижал меня к себе. На нас никто не обращал внимания – парочка студентов. Мог ли кто-нибудь из них вообразить, что вместе с ними едет Пастыр? Точнее, два Пастыря... Ведь я тоже Дитя Неба, как сказал Артем, хочу того или нет. Только потому, что у меня на пальце кольцо? И что это значит? Действительно ли сила накладывает ответственность, и я должна чувствовать ее только потому, что случайно нашла камень? Почему я что-то должна этим совершенно чужим людям в чужом мире, который с радостью бы покинула?

Прервав эти размышления, Дима помог мне спуститься на очередной остановке.

Все это время мы не покидали центр города – улицы были широкими, а постройки многочисленными. Но даже на этом фоне выделялось здание, которое я увидела на перекрестке. Чем-то оно напоминало готические храмы, а витражи многочисленных окон были настоящим чудом.

- Что это? – прошептала я.
- А на что похоже? – усмехнулся Дима.
- Храм?
- Можно и так сказать.

И, не раскрыв секрета, потянул за собой. Когда мы вошли и поднялись по лестнице (мимо чудесных фресок, украшающих стены), у меня перехватило дыхание. Ряды шкафов с ящичками, помеченными буквами алфавита, не оставляли никакого сомнения в том, что это за место. Каталог!

– Библиотека! – выдохнула я.

Дима рассмеялся.

– Ну, разве не храм? Для тебя-то уж точно. Идем. Дальше будет интереснее.

Миновав каталог, мы поднялись на несколько пролетов лестницы и оказались в длинном гулком зале. Вдоль стен тянулись полки с книгами, а посередине, освещаемые лампами с широким абажуром, выстроились столы. Около двери за конторкой сидела женщина. Дима на ходу показал ей какую-то бумажку, вытащив из кармана, и она молча кивнула.

В зале было несколько человек, настолько поглощенных чтением, что нас они даже не заметили. Дима провел меня к дальнему столу, на котором лежало несколько стопок книг.

– Сюрприз, конечно, не в самом посещении, – негромко сказал он. – Я заранее попросил отложить несколько книг. Уверен, тебе понравится.

Сев на мягкий стул, я замороженно провела рукой по корешкам томов.

– Но начать нужно с этого, – Дима открыл толстую тетрадь, странно затесавшуюся среди книг. – Когда-то по ней я учил язык Мунунда. С твоими способностями быстро справишься.

Я пробежала глазами по строчкам знакомого почерка. Конспект был кратким и логичным: в духе Димы. Тетрадка, действительно, не отняла много времени, и я с большим удовольствием перешла к книгам. Подборка была изумительная: Дима знал что делал. Труды по истории, сборники древних легенд, сонеты и сказки, филологические исследования, а главное – словарь, куда я то и дело ныряла.

Неохотно оторвавшись от страниц, когда Дима дотронулся до руки, я подняла голову и увидела, как он улыбается. А еще заметила, что в зале больше никого нет, и за окнами густая тьма.

– Освежись, – Дима поставил рядом чашку с ароматным сиордом.

– Уже поздно? – растерянно поморгала я, словно просыпаясь.

– Да.

– Как обидно! На самом интересном месте. А можно их отложить до завтра?

– Зачем откладывать? Продолжай наслаждаться. Я ненадолго отлучусь.

– Но разве библиотека не закрывается?

– Круг-ло-суточная, – подчеркнул по складам Дима.

– Это сказка! – воскликнула я.

И вновь окунулась в переплетение слов и образов. Чем дальше продвигалась, тем более интересная картина разворачивалась передо мной, и не было сил остановить это путешествие. Похожее на голод чувство влекло меня в глубину. Крайне смутно могу припомнить, что пару раз пила сиорд, но как он оказывался рядом – неизвестно. Момент, когда открывшийся мир слился со сновидениями, я и вовсе не заметила.

6

Словно вынырнув из глубокого омута, открыла глаза, и первое, что увидела – свет. Кровать была мягкой, и комната знакомой, но оглядеться не получалось – никогда еще я не чувствовала такой слабости. С трудом удавалось держать глаза открытыми. Послышались легкие

шаги, и надо мной склонилась милая рыженькая девушка в форменном белом платье. Ее вздернутый носик покрывали веснушки.

– Где я? – горло пересохло, и голос звучал глухо; в глазах девушки плеснулась растерянность, я повторила на местном языке. – Где я?

Она вздохнула с облегчением:

– Вы в Трэдо Дэм, госпожа. В своей комнате. Что-нибудь желаете?

– Воды.

Она тут же поднесла к моим губам бокал с водой и нажала кнопку около кровати. Изголовье плавно поднялось. Не было сил протянуть руку, так что я позволила себя напоить, а после спросила:

– Почему ты называешь меня госпожой?

Девушка изумленно подняла брови:

– Но ведь вы Дитя Неба. Пастырь нашего народа.

Этот короткий разговор отнял последние силы и, утомленно закрыв глаза, я прошептала:

– Устала...

Девушка тут же поднесла мне чашку с теплым питьем.

– Это лекарство. Выпейте, вам надо уснуть.

Я и так засыпала, но лекарство приняла. Уже не мрачный омут, а воды спокойной реки приняли меня в свои объятия.

Проснувшись во второй раз, я почувствовала себя достаточно сильной, чтобы сесть и осмотреться. Комнату освещал мягкий свет ночников. В кресле около кровати сидела темно-волосая сухощавая девушка, тут же вскочившая.

– Сколько я уже здесь?

– Третий день, госпожа, – она почтительно поклонилась.

– Что со мной?

– Не могу знать, госпожа. Врач сказал, что у вас полная потеря сил: нужно пить лекарство и как можно больше спать.

Голова закружилась, я откинулась на подушки. С какой стати мне вообще стало плохо?

– Я хочу видеть Диму.

– Хорошо, госпожа. Я сейчас пошлю лакея. Выпейте, пожалуйста, лекарство.

Я послушно опустошила чашку. Девушка вышла из комнаты, но у меня не получилось дожидаться ее возвращения: волны сна опять подхватили ставшее вдруг легким тело.

На это раз я спала, очевидно, не так долго, а, проснувшись, почувствовала, что здорова. Увидев рыженькую девушку, обрадовалась – у нее было удивительно милое личико. Девушка просияла улыбкой на мое приветствие.

– Как вы себя чувствуете, госпожа?

– Прекрасно. Как тебя зовут?

– Эфил.

– Это означает «яблоня». Красиво. Ты и похожа на цветущую яблоню.

Девушка порозовела от радости.

– Благодарю, госпожа. Вы хотите пить?

– Нет. Я приму ванну, а ты передай, пожалуйста, Диме... Дмитрию, что я пришла в себя.

Закончив с водными процедурами, я почувствовала, что проголодалась. Заботами Эфил уже через пару минут стол был накрыт. Еда оказалась очень вкусной, но, утолив первый голод, я отодвинула тарелку и задумалась.

Нахлынувшая лавина информации после длительного сна превратилась в глубокое спокойное озеро, где мысли мои чувствовали себя легко и свободно, как рыбы, все больше стягиваясь к одному месту в глубине: там затаилась какая-то загадка. Таинственная жемчужина, которую мне необходимо обнаружить. Все остальное отошло на второй план, отодвинулось. Я

даже вздрогнула, когда в дверь постучали: совсем забыла, что просила прийти Диму. Но это оказался Отец. Пожалуй, я удивилась, но не расстроилась.

– Нет-нет, не вставай, – остановил он мой порыв. – Тебе еще нужно отдыхать.

– Слушаю и повинуюсь. Но что со мной?

Отец покачал головой, садясь напротив.

– Вполне ожидаемое. Геласер раскрывает твои способности и дает возможность мозгу работать эффективнее. Думаю, ты уже почувствовала. И, естественно, получив такую обильную пищу, он заработал на полную. А поскольку это было в новинку, ты не смогла вовремя остановиться. Так увлеклась, что не заметила переутомления. Дима хотел тебя порадовать, а вышло наоборот: его внезапно вызвали из города, и этот обалдуй забыл отдать нужные распоряжения.

– Не сердитесь. Дима хотел сделать подарок, и у него получилось.

– Не вижу радости, – прищурился Полоцкий.

– Мне не дает покоя одно соображение. Среди других была любопытная книга: «Морфологический обзор легенд о Хаале». Хаал, или Хейл, или Хург – герой преданий разных народов. На всех языках имя его означает крупного зверя, вроде нашего медведя, как я поняла. Бродячий сюжет. Так вот автор выдвигает теорию о первичном появлении этого персонажа в легендах народа, где имя его созвучно слову «правитель», и утверждает, что прототипом Хаала был один из Ревеллиров. Но самое интересное не в этом. По крайней мере, для меня. Я просмотрела несколько легенд: везде Хаал предстает как воин-маг, умеющий разговаривать со стихиями: водой, ветром, камнями. Конечно, это мифологическая интерпретация. Но что если Ревеллиры действительно могли говорить с геласером? Я нигде не нашла упоминаний об этом (впрочем, и просмотрела-то немного), но думаю, у Правителей был свой язык. Вам что-нибудь известно об этом?

Отец внимательно посмотрел на меня.

– Забудем сейчас о временной разнице между мирами. В любом случае, я гораздо старше тебя, но до сих пор не перестал удивляться жизни: тому, как парадоксально порой переплетаются ее нити. Совпадение ли, что именно к твоему появлению произошло это открытие?

– О чем вы?

– Мы не знаем, какая катастрофа положила конец династии Ревеллиров. Почему не осталось никаких свидетельств? Отчего все упоминания о них относятся к более поздним временам? Около года назад в отдаленной провинции при исследовании территории для строительства были обнаружены любопытные развалины. Сооружение представляет собой лабиринт и построено не менее тысячи лет назад. С какой целью – неизвестно. И главное – все стены лабиринта покрыты надписями на неведомом языке. Местами камень сильно пострадал, но материала для изучения более чем достаточно.

– Наверняка, это язык Ревеллиров!

– Возможно.

– Это ведь очень важно! А вдруг мы, наконец, сможем узнать, как отправиться обратно?

– Не торопись с радужными планами. Даже если это язык Правителей, твоя гипотеза кажется мне слишком фантастичной. Ну, хорошо, – поправился он, – смелой. Язык как ключ к геласеру... Хм. Много будет зависеть от того, какую информацию мы получим при дешифровке.

– Неужели нигде больше в Виире не осталось следов этого языка?

– Более хрупкие носители, очевидно не уцелели. Однако лет сто назад в горах Мейн, что на землях Тиира, обнаружили сооружение, стены которого покрывали фрески и неизвестные письмена. Но это теократическое государство: и наука, и искусство подчинены официальной религии, все, что ей противоречит, объявляется ересью. Поэтому открытие – предположительно храм – было уничтожено.

– Какой ужас!

– Не исключено, что следы письменности Ревеллиров (если это действительно их язык) можно найти и на территории других стран. Уже восемь лет работает международная исследовательская комиссия, вся деятельность которой направлена именно на их обнаружение. Но, увы, и она не свободна от влияния политики. Взаимопонимания достичь не так просто.

– А мне можно побывать на раскопках?

– Конечно. Даже думаю, ты могла бы активно помочь при дешифровке надписей.

– Тогда мне нужно вернуться в библиотеку.

Отец рассмеялся.

– Незачем. Все необходимые книги тебе доставят сюда. Как и сведения из архивов о Ревеллирах. Правда, небогатые, но – что есть.

– Когда я могу ехать?

– Уже не терпится? Через четыре дня к лабиринту отправляется группа геологов, ты как раз восстановишь силы. Но... у меня тоже есть к тебе просьба.

Я насторожилась. Увлечшись лингвистическими рассуждениями, я совсем забыла о сложившейся непростой ситуации. Заметив мое замешательство, Полоцкий поспешил уточнить:

– Это будет не трудно. Уверен, перед отъездом, ты захочешь заглянуть к друзьям.

– Разумеется.

– Так вот, я просил бы тебя передать, что мы ждем их возвращения.

Я была поражена.

– Думаю, они успели осознать свои ошибки. И если только гордость, а, может быть, и страх мешают им сделать первый шаг, я сам пойду навстречу, – его глаза были так печальны. – Вика, они мои дети. Да, блудные дети, запутавшиеся, ошибавшиеся. Не передать, какую боль приносит их изгнание в первую очередь мне – осудившему их на это. Я хочу, чтобы они знали... Ты выполнишь мою просьбу?

– Да. И с удовольствием!

Он грустно улыбнулся.

– Надеюсь, я не ошибся, и твое появление примирит два враждующих лагеря.

– Я постараюсь.

– И раз ты так добра, могу я просить еще об одном одолжении? Уже лично для меня... Послезавтра ежегодный праздник – День единения и независимости. Очень важный для всего народа. Они привыкли в этот день чествовать свое освобождение от императорской власти. Я прошу тебя присоединиться к нам и быть рядом во время парада.

Я растерялась и с неудовольствием почувствовала себя пойманной на удочку. Заговори Полоцкий об этом сразу, можно было отказаться. Но теперь, как-то неловко.

– Хорошо. Думаю, мне будет интересно.

– Спасибо, дитя мое.

Хотя это прозвучало слащаво, мне было приятно. Теперь я понимала, почему Дети Неба называли его Отцом: так хотелось еще немного почувствовать помощь кого-то старше и мудрее тебя.

– А Дима будет там?

– Он как раз приедет к празднику. Что ж, составь список книг, которые хочешь увидеть, и отдыхай. Впереди много работы.

Разговор и вправду утомил меня, но, в целом, я на удивление быстро восстанавливалась после приступа: на следующее утро чувствовала себя бодрой и активной и с нетерпением набросилась на книги и хроники, ждущие в маленьком кабинете.

В первую очередь, вместо полумифических древних царей, упоминаемых в общедоступных официальных источниках, передо мной предстало целое племя могущественных воинов и ученых, появление которых скрывалось в пелене веков. Неизвестно, когда они пришли к вла-

сти, но это были не правители отдельной страны. Мунунд, как и все ныне существующие государства, был частью огромной империи, под управлением одной династии Ревеллиров, практически боготворимых своими подданными – настолько велики были их мудрость и могущество. То были «золотые» времена. Виир процветал: никаких войн и переворотов. Медицина и техника – на невероятном уровне, а «полеты меж звезд», очевидно, обозначали освоение космоса.

И вдруг все пропало. Огромное белое пятно отделяло реальные заметки хронографа от времен древних правителей. Что случилось? Куда пропала династия? Почему стремительно деградирует уровень жизни? Никаких сведений – только гипотезы, более или менее обоснованные. От «золотых» времен остались лишь таинственные развалины колоссальных строений по всему миру, да утешительные легенды о Детях Неба, которые однажды появятся и принесут с собой мир и благоденствие.

Таким образом, два дня до праздника я провела за столом и, если бы не Эфил, опять забыла и сон, и еду. Никогда прежде ни одно дело не занимало меня так безраздельно. Я не думала ни о доме, ни о наших. Даже Дима не мелькал в моих мыслях.

7

В день праздника я проснулась поздно. Комнату заливал яркий солнечный свет – с погодой повезло. Или здесь уже тоже научились разгонять облака? Последнюю книгу я закрыла в середине ночи, так что хотелось еще понежиться. Сладко потянувшись, вдруг услышала по-русски:

– Нет, нет! Пора вставать, соня.

Так и подскочив на постели, увидела в кресле смеющегося Димку.

– И давно ты здесь?

– Минут десять. Хотел сразу разбудить, но не мог отказать себе в удовольствии полюбоваться спящей.

Я фыркнула и протянула к нему руки. Нежно обняв, Дима прошептал:

– Нам нужно торопиться.

– Сколько времени?

– Остался час до начала парада. Так что я загляну к Отцу, а ты собирайся. Сейчас позову слуг.

Он встал, и я увидела на манекене приготовленный наряд – костюм Пастыря. Дима проследил мой взгляд:

– Это необходимо, ты ведь будешь с нами.

– С вами?

Он ответил мягко:

– Пожалуйста. Зачем ссориться из-за пустяков? Сегодня праздник, и костюм – всего лишь символ, люди привыкли видеть нас такими.

– А они не заметили, что Детей Неба стало меньше?

Дима нахмурился, и я почувствовала себя виноватой. В самом деле, раз уж согласилась участвовать, к чему эти капризы.

– Хорошо. Через полчаса буду готова.

Кивнув, он вышел, и, ждавшая, верно, за дверью, впорхнула Эфил. Ее личико сияло.

– Доброе утро!

– Доброе. Рада тебя видеть.

Не рассчитала реакции. Эфил порозовела от смущения, глаза заблестели, боясь, как бы она что-нибудь не выкинула, я выпалила:

– Надо спешить!

Сработало. Девушка принялась суетиться, а я воспользовалась этим, чтобы собраться с мыслями. Итак, сегодня я не просто буду на празднике, а предстану Пастырем. За мозгоштурмом последних дней как-то и забылось – я между молотом и наковальней. И сейчас по-прежнему непонятно – кто врет. Кому я могу верить? А может быть – никому? Не сошли ли они с ума тут все вместе? Бредосумасшествие Виира! Нет, это уже утренний психоз.

Под освежающим душем я решила соблюдать нейтралитет. Смотреть, слушать, думать, но ничего пока не решать. Через два дня отбывает экспедиция. Я должна быть там! Если расшифровка языка Ревеллиров поможет понять, как вернуться домой, это сразу решит все проблемы.

Эфил уложила волосы и помогла одеться. Да уж, Полина постаралась на славу! Ткань была очень приятной, а костюм смотрелся необыкновенно эффектно. Даже с крыльями алого плаща я как будто бы сразу сроднилась. Только кнут с острым наконечником решительно отложила в сторону. Всему есть пределы.

До начала оставалось пятнадцать минут, а Дима все не возвращался. Как бы то ни было, задерживаться нехорошо.

– Ты ведь знаешь, куда нужно идти?

– Конечно. Если вы не будете ждать господина Дмитрия, я провожу.

«Господина Дмитрия!» Мне ко многому еще предстояло привыкнуть.

Пока шли по длинным коридорам, Эфил рассказала, что парад проходит по «Дороге звезд» – главному шоссе, проходящему под триумфальной аркой, рядом с Трэдо Дэмом. С балкона этой арки Пастыри и приветствуют свой народ.

Сама бы я непременно заблудилась в лабиринте дворца, но Эфил вскоре вывела в просторный холл, где уже собирались Дети Неба. Похоже, многим пришлось отложить дела. А некоторые спешили доделать их в буквальном смысле на ходу. Максим около огромного окна торопливо просматривал бумаги, нетерпеливо переворачивая листы так, что некоторые падали, и их на лету подхватывала прехорошенькая девушка-помощник.

Одновременно со мной из коридора напротив вышла Инга, продолжая диктовать стенографисту и попутно объясняя что-то высокому мужчине, которому приходилось почтительно наклоняться к ее миниатюрному «сиятельству».

Мое появление тут же заметили. Все повернули головы. И я вдруг растерялась, словно вошла не в ту дверь и случайно оказалась в школьной учительской или на совещании. Не знаю, как пошло бы дело, но за спиной послышались торопливые шаги, и Дима, подхватив меня за локоть, потянул за собой.

– Хорошо, что ты уже здесь, я надеялся на Эфил. Нам пора! – это уже для всех.

Прозвучало не как приказ, а «по-прежнему» задорно, словно мы собирались прогулять урок. Вот только это не школа. Собранные и серьезные все двинулись к выходу на открытую террасу. Солнечный свет заставил меня на секунду зажмуриться, а потом Дима потянул наверх, и мы взлетели.

Костюм был отлично приспособлен для воздуха: скользить в нем намного проще. Я посмотрела вниз: делая широкий плавный крюк, Дети Неба с двух сторон огибали триумфальную арку, чтобы приземлиться на ступеньках, ведущих к широкому балкону. По ним уже спускался Отец, приветственно вскинув руку. Дорога звезд была заполнена людьми. Их радостные возгласы, аплодисменты сливались в единый гул и поднимались к нам в небо.

Балкон имел небольшой уклон, чтобы людям внизу было лучше видно Детей Неба, вставших полукругом. Пастыри улыбались, ветер то и дело всплескивал чей-нибудь алый плащ языком пламени, бликующая серебристая ткань окутывала фигуры сиянием – боги спустились к своему народу. Но в ту минуту я чувствовала единение с ними. Волны восторга так сладко омывали утес триумфальной арки. И Дима был рядом, и Максим взял за руку, смеясь моей взволнованной растерянностью. И я заметила, с какой нежностью взглянул на меня Отец.

Наше появление стало сигналом к началу парада. Он двигался по улице, минуя арку, так что с двух сторон была оптимальная возможность насладиться зрелищем. Как я потом узнала, в первые годы это было просто шествие, но со временем оно преобразилось в красочное действо. Вытянувшиеся колонны людей представляли различные предприятия, цеха, факультеты. Вместе с родителями шли дети, самых маленьких несли на плечах. Каждая колонна старалась как-то выделиться. Развевались флаги, плыли гирлянды цветов, на двигавшихся платформах замирали «живые картины».

Так же, между колоннами, через определенные промежутки, шли группы музыкантов. Веселая маршевая музыка звенела над толпой. Ее ритм диктовал скорость движения, но все равно, достигая подножия арки, когда можно было увидеть Пастырей, люди старались замедлить шаг, чтобы насладиться этим моментом. Я видела их сияющие лица и невольно заражалась праздничным настроением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.